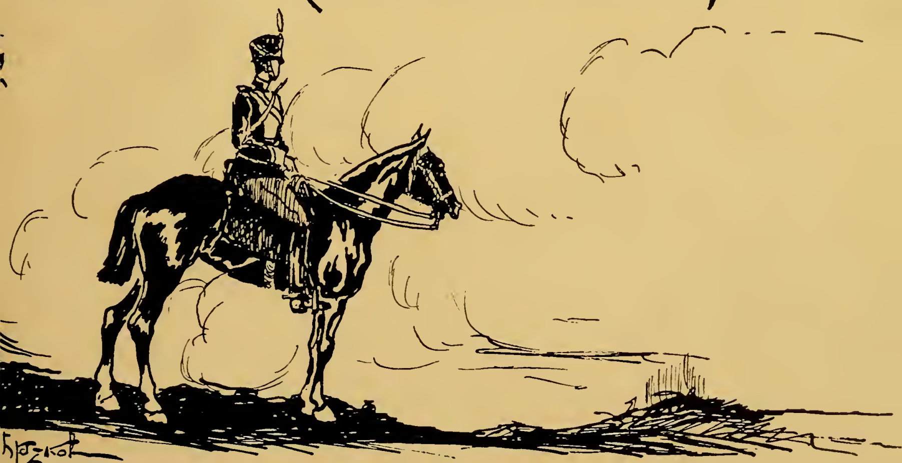
Евгений Вадимов

Корнеты и звери

(славная школа)

Издание Н. З. Рыбинскаго 1954. Нью Иорк.

Настоящее издание является фотостатом с книги, изданной мною в 1929 году в Белграде.
Первое издание (2.000 экземпляров) было быстро распродано.
Приятно отметить, что интерес к родной старине не только не угасает, но усиливается. Если старая эмиграция читала мемуары, чтобы вспомнить пережитое, то новая читает, чтобы в правдивом изложении узнать о том, что было.
Эта книга вполне отвечает желаниям читателей.
Издатель.

Обложка работы художника С. И. Образкова.

ЕВГЕНІЙ ВАДИМОВЪ

КОРНЕТЫ и ЗВѢРИ

(„СЛАВНАЯ ШКОЛА“)

ОЧЕРКИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ИВАНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ГАГАРИНУ

*„...И были вѣчными друзьями
Солдатъ, корнетъ и генералъ...“*

БѢЛГРАДЪ
ИЗДАНІЕ Н. З. РЫБИНСКАГО
1929

ШТАМПАРСКИ ЗАВОД „ОРАО“
БЕОГРАД, ТОПЛИЧИН ВЕНАЦ 4.

Фуражка милая, не рвися —
Съ тобою — жизнь моя слита!
Съ тобою бурно пронеслися —
Мои кадетскіе года!..

Изъ кадетской пѣсни.

Насъ — человѣкъ двадцать пять.

Двадцать пять кадетъ одного и того же корпуса, которыхъ ведетъ въ военное училище последній разъ сопровождающій своихъ питомцевъ кадетскій офицеръ-воспитатель.

Послѣдній разъ на нашихъ плечахъ кадетскіе шинели и мундиры.

Насъ ведутъ къ суровой юнкерской жизни

За спиною — семь лѣтъ крикливаго, веселаго, безпечнаго, самоувѣреннаго кадетства...

Впереди — строгая тайна знаменитой „гвардейской школы" и связанной съ нею безпощадной кавалерійской тренировки въ теченіе двухъ лѣтъ.

Жутко и торжественно...

Восемь часовъ утра.

Послѣдній день мѣсяца августа, уже замѣтно отдающій сѣверною осенью.

Маріинская площадь, громадное зданіе Петербургской консерваторіи, Крюковъ мостъ и каналъ...

По темно-бурой водѣ канала плаваютъ желтые листья.

Ихъ сноситъ утреннимъ вѣтромъ съ деревьевъ Никольскаго сквера, окружающаго церковь Николы Морского.

Мы идемъ и молчимъ.

Пересѣкаемъ Екатерингофскій, входимъ на слегка качающійся подъ нашими шагами Египетскій мостъ съ привставшими на переднихъ лапахъ темно красными сфинксами.

По обѣимъ сторонамъ моста — широкая, немного волнующаяся, изобилующая барками и мелкими финляндскими пароходами Фонтанка.

Встрѣчныя подводы ломовиковъ, бородатые извозчики, открытые лабазы, приказчики въ бѣлыхъ фартухахъ у ихъ дверей, арбузы и сливы за зеркальными стеклами лавокъ,рыбные лотки съ корюшкой и снѣтками, усатые городовые на углахъ, направляющіяся за покупками кухарки...

Утро — какъ утро...

Вотъ уже и Ново-Петергофскій проспектъ, въ концѣ котораго цѣль нашего марша...

Настроеніе все серьезнѣе и серьезнѣе – и мы уже не можемъ скрывать другъ отъ друга волнующихъ насъ чувствъ.

Кое-кто пробуетъ шутить — бросаетъ какое-нибудь слово — но шутки и остроты не удаются, выходятъ „корявыми" и не въ силахъ отогнать мысли, засѣвшія въ головѣ.

Правда—не на казнь и не въ тюрьму мы идемъ, въ самомъ дѣлѣ!

Впереди — „школа" — Славная Гвардейская школа, блестящій юнкерскій мундиръ и шпоры настоящаго кавалериста, конь подъ сѣдломъ и вольтрапомъ, Андреевская звѣзда на драгункѣ—и все остальное, что окружаетъ будущаго корнета.

Но не легко, очень не легко даетъ къ себѣ подступъ лучезарная звѣзда офицера Россійской конницы...

И не только она — не легко влѣзаетъ на плечи и близкій уже мундиръ юнкера съ обшитыми золотомъ воротникомъ и красными обшлагами „стрѣлкой".

Вѣдь сейчасъ — черезъ нѣсколько минутъ — сомкнутся надъ нами жуткіе своды уже хорошо извѣстнаго по разсказамъ другихъ зданія истори ческаго училища — полнаго особыхъ традицій, съ необычной для простого смертнаго кавалерійской жизнью и суровымъ „цукомъ", ожидающихъ насъ юнкеровъ старшаго курса, носящихъ наименованіе „корнетъ".

Они — корнеты, благородное корнетство, хранители священныхъ завѣтовъ предыдущихъ выпусковъ, блюстители лихого кавалерійскаго духа — и, строго говоря — наши главные воспитатели и учителя.

Начальникъ училища, смѣнные офицеры, преподаватели военныхъ и другихъ наукъ, все это само по себѣ, на своемъ особомъ мѣстѣ — но самое главное — непоколебимыя традиціи школы, „цукъ" и ожидающее насъ „благородное корнетство...

Они — корнеты; мы — звѣри, сугубые звѣри, вандалы, скифы, сарматы, пернатые, хвостатые, мохнатые.

Мы добровольно избрали себѣ нашъ путь, ведущій въ ряды офицеровъ Россійской конницы — и идемъ къ огненному чистилищу, черезъ которое съ преклоненной головой долженъ пройти каждый будущій, корнетъ.

Жутко!..

Гдѣ-то позади уже — веселое ребячество и корпусъ, каникулы въ тихихъ усадьбахъ съ уютными домами и дѣтскими комнатами, заботливыя мамаши, бабушки и тетки, нѣжности, мягкія подушки и теплыя одѣяла — и жесткое, строгое, неумолимое впереди...

Кончается Ново-Петергофскій проспектъ. Уже виденъ Балтійскій вокзалъ за Обводнымъ каналомъ — и черезъ минуту, другую мы уже заходимъ правымъ плечомъ въ ворота желѣзной ограды, отдѣляющей отъ внѣшняго міра нашу буду-

щую „alma mater“ Николаевское Кавалерійское Училище.

За оградой — прикрытое небольшимъ садомъ, высится длинное, трехъэтажное зданіе съ пристройками.

Надъ главнымъ фронтономъ зданія — длиннокрылый и широкій Николаевскій орелъ.

Вотъ она, школа!

Прощай дѣтство и безпечные мальчишескіе годы — здравствуй настоящая, суровая военная жизнь!

II

... Какъ наша школа открывалась,
Надъ ней — разверзлись небеса...
Изъ »Звѣріады«

Мы — въ большомъ, нѣсколько низкомъ вестибюлѣ училища, въ который входимъ черезъ единственную большую дверь.

Направо — дежурная комната, за нею — корридоръ, ведущій въ цейхгаузъ и карцера, налѣво — „пріемка“ и дверь въ квартиру начальника училища.

Прямо въ глубинѣ — входъ въ „гербовый“ залъ и по его сторонамъ двѣ уходящихъ въ высь лѣстницы, ведущія въ завѣтныя и таинственныя еще для насъ помѣщенія „эскадрона“ и казачьей сотни.

Изъ дежурной комнаты, извѣщенный о нашемъ прибытіи — выходитъ дежурный по училищу смѣнный офицеръ въ формѣ Смоленскаго драгуна *).

— Пока — въ баню! — распоряжается „Саша“. — Кто изъ васъ старшій, господа? Постройтесь и идите...

Это — „милый Саша“ ротмистръ Александръ

*) Въ описываемое время — всѣ полки армейской кавалеріи были драгунскими — безъ подраздѣленія на гусаръ, уланъ и т. д.

Ивановичъ Сорокинъ, бывшій дежурнымъ въ этотъ знаменательный день.

Васъ проведетъ служитель!

. . . .

Покорные всему и всѣмъ — двигаемся въ баню.

Насъ проводятъ среди различныхъ построекъ, заполняющихъ внутренніе дворы „школы", среди конюшенъ, манежей и предманежниковъ — баня ютится гдѣ-то совсѣмъ въ глубинѣ.

За нашей группой, сохраняя чувство собственнаго достоинства, движется высокая и плотная фигура сверхсрочнаго кавалерійскаго солдата, съ вахмистерскими шевронами на рукавѣ.

Это — Нарѣжный, каптенармусъ училища, вѣдающій юнкерскимъ обмундированіемъ.

Горы этого обмундированія уже навалены въ предбанникѣ, гдѣ сразу и происходитъ пригонка.

Раздѣваемся, моемся и опять выходимъ въ костюмахъ Адама въ предбанникъ.

Отъ прошлаго на насъ уже нѣтъ ничего, кромѣ натѣльныхъ крестовъ.

Юнкерское бѣлье, юнкерскіе шаровары и куртки, высокіе, грубые юнкерскіе сапоги съ широкими, какъ буква „п" — носами.

Сапоги — безъ шпоръ.

До шпоръ — еще очень, очень далеко!

Молодежь — ходитъ въ стѣнахъ школы безъ шпоръ до того времени, пока не заслужитъ ихъ по приговору начальства въ манежѣ за хорошую и достойную ѣзду верхомъ, а это не такъ легко дается.

Мы одѣты — но видъ у насъ всѣхъ, несмотря на кавалерійское обмундированіе — весьма и весьма плачевный.

По училищному выраженію — „сугубый".

Казенныя куртки (бушлаты) безъ галуновъ сидятъ некрасиво и грубо; еще некрасивѣе — синесѣрыя рейтузы, вправленныя въ сапоги съ голени-

щами, и уже совсѣмъ нехудожественно выглядятъ эти послѣдніе...

Одѣты...

Каптенармусъ Нарѣжный — бывшій простой уланскій солдатъ, дослужившійся до вахмистровъ Гвардіи и прикомандированный теперь къ училищу для исполненія своей должности хранителя всѣхъ нашихъ шинелей, мундировъ и сапогъ — съ едва уловимой усмѣшкой въ глазахъ поворачиваетъ и осматриваетъ наши фигуры — фигуры такихъ теперь неуклюжихъ и робкихъ „господъ барчуковъ", добровольно дѣлающихся солдатами.

— Шароварчики узковаты! — говоритъ Нарѣжный дѣловито.— Безпремѣнно перемѣните, баринъ! — Нѣшто можно въ такихъ штанахъ сѣсть въ сѣдло?! Одинъ смѣхъ будетъ!

Съ Нарѣжнымъ — спорить трудно.

Этотъ высокій и довольно красивый мужикъ изъ подъ Полтавы, добившійся вахмистерскихъ шевроновъ — лучше знаетъ, что хорошо и что плохо для кавалериста, что нужно и что не нужно.

И когда все что слѣдуетъ пригнано, одѣто и прилажено — насъ, уже облеченныхъ сверху въ сѣрыя солдатскія шинели — ведутъ обратно въ „эскадронъ".

Опять вестибюль.

Около дежурной комнаты — опять группа новыхъ кадетъ — нашихъ будущихъ товарищей по курсу.

Это — провинціалы, кадеты корпусовъ, расположенныхъ въ другихъ городахъ, внѣ Петербурга.

Орловцы — Бахтина, Нижегородцы графа Аракчеева, Полтавцы, Полочане и, конечно, Москвичи съ Лефортова...

Сборъ со всѣхъ концовъ Имперіи...

Въ этотъ день выпускныхъ кадетъ привозятъ въ Питеръ спеціальными поѣздами, разбиваютъ „по

училищамъ“ на дебаркадерахъ вокзаловъ и разводятъ по всѣмъ направленіямъ столицы...

Прибывшихъ провинціаловъ въ свою очередь отправляютъ въ баню, а мы — уже очищенные и переодѣтые — останавливаемся посреди вестибюля и покорно ждемъ своей участи...

И она теперь близка, эта участь...

. . . .

Сверху, по лѣвой отъ входа каменной лѣстницѣ — *корнетской* лѣстницѣ — лихо стуча шашкой по ея ступенямъ и гремя шпорами — спускается *онъ*.

Онъ — первый юнкеръ — „корнетъ“, исполняющій сейчасъ обязанности дежурнаго по эскадрону.

Его, повидимому, вызвалъ къ себѣ дежурный офицеръ, т. к. юнкеръ дѣловито подходитъ къ послѣднему, „отчетливо“ щелкаетъ шпорами и подноситъ руку къ головному убору.

— Примите эту группу молодыхъ, Аваловъ! — говоритъ офицеръ. — Проведите во взводы и назначьте временныя койки... Окончательную разбивку сдѣлаетъ завтра командиръ эскадрона!...

— Слушаюсь! Пожалуйте, господа!

Покорные и молчаливые движемся мы вслѣдъ за нашимъ вождемъ въ шпорахъ.

Поднимаемся вверхъ — но поднимаемся по правой, звѣрской, лѣстницѣ, слѣдуя традиціи, теряющейся во мглѣ вѣковъ.

. . . .

Кто первый ввелъ въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ его традиціи — установить трудно — хотя передаваемыя изъ устъ въ уста преданія гласятъ, что многіе изъ юнкерскихъ обычаевъ и чудачествъ были введены никѣмъ инымъ, какъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ и его сверстниками, такъ-же прошедшими въ качествѣ питомцевъ это учрежденіе Императора Николая I-го, носившее въ то время наименованіе „Школы Гвар-

дейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ".

. . . .

Безсмертный и Великій творецъ „Демона", какъ извѣстно, по окончаніи юнкерства вышелъ въ Лейбъ Гусарскій полкъ, откуда, впослѣдствіи, былъ переведенъ на далекій Кавказъ, вдохновившій его для цѣлаго ряда замѣчательныхъ произведеній.

Но муза навѣщала Лермонтова уже и во взводахъ школы — чему является свидѣтельницей знаменитая юнкерская молитва, входящая въ собраніе его стихотвореній:

Царю Небесный —
Избавь меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня —
Отъ фланкировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь...

. . . .

Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ —
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ!...

. . . .

Кто рѣшается идти въ „школу", избирая своимъ жизненнымъ путемъ путь офицера конницы — тотъ долженъ знать — для чего и на что онъ идетъ.

Онъ долженъ молчаливо, покорно и сознательно согласиться со всѣмъ, что ждетъ его въ грядущемъ въ видѣ всевозможныхъ моральныхъ барьеровъ, канавъ и ирландскихъ банкетовъ.

Сегодня ты — „звѣрь", „вандалъ" и „скифъ", трепещущій подъ зоркимъ взглядомъ благороднаго корнетства, едва садящійся на учебнаго коня, представляешь собою только подобіе юнкера кавалеріи, — а черезъ годъ — ровно черезъ годъ въ это время — ты самъ уже благородный корнетъ и хранитель всѣхъ традицій школы!

Терпи-же, молодой вандалъ!

Иди черезъ всѣ огни — и стремись къ одному: Быть ловкимъ, „отчетливымъ“, „лихимъ“, благороднымъ, дисциплинированнымъ и вѣрнымъ.

Вѣрнымъ Богу, Царю, Отечеству, долгу, оружію, товарищамъ, полку, штандарту — и конницѣ, родной конницѣ, лучше и величественнѣе которой нѣтъ ничего на свѣтѣ!

Не въ одной „школѣ“ былъ и есть „цукъ“.

Его подобіе существуетъ вездѣ — и вездѣ оно въ своемъ родѣ — начиная отъ „фуксовъ“ въ студенческихъ корпораціяхъ нѣмецкихъ университетовъ и кончая знаменитымъ Сенъ-Сиромъ прекрасной и республиканской Франціи.

Кто хочетъ — пусть провѣряетъ!

. . . .

Нужно *стать* кавалеристомъ, а не только обучиться ѣздѣ и ношенію той или другой формы.

Надлежитъ — впитать въ себя весь духъ конницы, понять его истинную сущность, сдѣлаться кавалеристомъ манежа и полей, а не гостинныхъ и ресторановъ.

Нужно влюбиться — и влюбиться страстно, до гроба — въ свою профессію, въ свой будущій полковой штандартъ, въ искусство ѣзды, въ густую пыль лѣтнихъ ученій, въ тревожные звуки сигналовъ, въ гармонію „генералъ-марша“, въ пряный и милый запахъ конюшенъ, въ ласковое ржаніе коней — влюбиться во все это такъ, чтобы все остальное считать на земномъ шарѣ второстепеннымъ и мало интереснымъ...

— Пусть другіе будутъ кѣмъ угодно, но я всегда буду тѣмъ, чѣмъ есть и чѣмъ хотѣлъ быть! — сказалъ какъ то Скобелевъ, выѣзжая на рекогносцировку. — Ни въ оберъ-прокуроры, ни въ оберъ-контролеры я не пойду!...

Шествуйте-же покорно за ведущимъ васъ въ помѣщеніе эскадрона дежурнымъ юнкеромъ, господа сугубые звѣри и будущіе корнеты!

Не вы первые, не вы послѣдніе.

Многихъ уже выпустила въ ряды россійской конницы славная гвардейская школа и не мало славныхъ именъ дала она исторіи...

„И были вѣчными друзьями
Солдатъ, корнетъ и генералъ!..."

. . . .

III

Средняя площадка училища, на которую насъ выводитъ Аваловъ — пустынна и тиха.

Это мѣсто ежедневнаго сбора юнкеровъ эскадрона на утреннюю и вечернюю молитву, на перекличку, на сборы передъ завтракомъ и обѣдомъ.

Во внутренней стѣнѣ, — сейчасъ же около лѣстницъ—наглухо закрытая дверь въ церковь, икона съ лампадой надъ этою дверью, по сторонамъ — мраморныя доски съ именами юнкеровъ, наиболѣе успѣшно окончившихъ школу въ разныя времена ея существованія.

Прямо передъ глазами, у наружной стѣны — въ промежуткѣ между большими окнами, выходящими на Ново Петергофскій — портреты Императоровъ, начиная съ Николая Павловича—всѣ они въ формѣ частей кавалеріи.

Тщательно натертый паркетъ, торжественный блескъ золотого багета на портретныхъ рамахъ.

— Пока распредѣлите себѣ койки во взводахъ временно, господа!..— говоритъ Аваловъ. -- Завтра утромъ разбивку сдѣлаетъ полковникъ.. Полковникъ Карангозовъ... Сейчасъ еще никого нѣтъ въ школѣ... Корнетство еще въ отпуску послѣ лагерей...

Мы облегченно вздыхаемъ...

Наши „корнеты“, дѣйствительно, еще не вернулись изъ лѣтняго отпуска. Они всѣ еще въ пути и прибудутъ только къ вечеру.

Уже болѣе спокойно мы разбираемъ койки, вѣшаемъ на нихъ карандашныя записочки и возвращаемся къ „корнету“.

Послѣдній, пріѣхавшій изъ отпуска на сутки раньше — повидимому мягокъ и благодушенъ.

-- Будете мнѣ представляться, господа! — говоритъ онъ, усаживаясь на тумбочку при одной изъ коекъ. — Представляйтесь по очереди, останавливаясь передо мною за четыре шага!

И наше „представленіе“ начинается.

. . . .

Это „представленіе“ молодыхъ юнкеровъ старшимъ заключалось въ томъ, что младшій или „молодой“ идетъ ровнымъ шагомъ по направленію къ сидящему въ непринужденной позѣ принимающему его „корнету“, и, остановившись по всѣмъ правиламъ строевого устава въ четырехъ шагахъ отъ него, отчетливо докладываетъ:

— Господинъ корнетъ, честь имѣю представиться: прикомандированный къ Николаевскому Кавалерійскому училищу кадетъ такого-то корпуса (или гимназистъ такой-то гимназіи, или даже студентъ такого-то университета) такой-то!

Если, по мнѣнію корнета, молодой представился достаточно „отчетливо“, т. е. остановился на должной дистанціи, ясно произнесъ слова представленія и т. д. — то „благородный корнетъ“ дѣлаетъ самъ два шага впередъ и, подавая молодому руку, произноситъ такъ-же свою фамилію.

— Очень пріятно!.. Корнетъ такой-то!

Если-же корнетомъ замѣчена какая-либо неточность или „корявость“ въ представляющемся „молодомъ“ — онъ прерываетъ его представленіе и, повернувъ молодого „кругомъ“ — заставляетъ начать все снова.

Въ этомъ вся тяжесть „пріема“.

Дефектъ найдется всегда: или молодой слишкомъ торопливо идетъ въ сторону корнета, или останавливается не въ четырехъ, а въ трехъ съ половиной шагахъ, или откидываетъ ногу при поворотахъ кругомъ, или недостаточно ясно произноситъ слова представленія...

— Кругомъ! Еще разъ!

И долго приходится бѣдному „звѣрю“ крутиться передъ строгимъ по „цуку“ корнетомъ, пока послѣдній найдетъ возможнымъ отвѣтить ему собственнымъ представленіемъ и рукопожатіемъ.

Но одного представленія мало.

Корнетъ, принимая, можетъ задавать „молодому“ всевозможные традиціонные вопросы, на которые молодой долженъ дать точный отвѣтъ.

Во первыхъ, нужно знать по номерамъ и названіямъ всѣ полки русской конницы — отъ перваго до послѣдняго, и, Боже сохрани, если кто-либо во время не постигнетъ этой премудрости.

„Цукъ“ усилится до невыносимости, до безпощадности — и молодого будутъ вертѣть „кругомъ“ всѣ корнеты, отъ перваго до послѣдняго!

И подѣломъ!

Стремиться въ славную россійскую конницу и не знать на зубокъ ея полковъ, въ одинъ изъ коихъ ты неминуемо долженъ выйти!

Пока еще корнетство не собралось изъ отпуска и мы мало-мальски свободны — любезный и снисходительный Аваловъ водитъ насъ по взводамъ и знакомитъ насъ съ ихъ особенностями.

Эскадронныхъ взводовъ, т. е. большихъ помѣщеній, въ которыхъ стоятъ юнкерскія койки — четыре.

Первый взводъ — собраніе самыхъ высокихъ юнкеровъ, второй — Лермонтовскій, т. к. въ этомъ взводѣ когда-то состоялъ поэтъ, третій — собраніе, наиболѣе высокихъ юношей второго полуэскадрона

— и четвертый — лѣвофланговый, „малина", „малинникъ".

Въ каждомъ изъ помѣщеній--взводовъ — свои традиціонные „корнетскіе углы" и „корнетскіе проходы". Въ эти углы имѣютъ право входить и занимать койки только юнкера старшаго класса, и, Боже сохрани, если кто-либо изъ молодыхъ ступитъ дерзкою ногою на запретныя половицы паркета.

Сразу-же, со всѣхъ сторонъ, понесется корнетскій крикъ:

— Куда вы, молодой! Вѣдь это корнетскій уголъ! Полъ провалится!

И традиція корнетскихъ угловъ и проходовъ настолько сильна, что, привыкая къ мысли о ихъ непроходимости для юнкера младшаго класса — каждый изъ послѣднихъ, даже въ отсутствіе „корнетовъ" не рѣшится пройти запретнымъ мѣстомъ, вплоть до того времени, когда, черезъ годъ, на него самого не снизойдетъ корнетская благодать.

. . . .

Послѣ вечерняго чая, розданнаго намъ въ столовой училища, расположенной въ нижнемъ этажѣ зданія, и вечерней молитвы — мы расходимся по отведеннымъ койкамъ и начинаемъ сразу-же укладываться спать.

Но отходъ ко сну для молодого школы не такъ простъ и легокъ.

Раньше, чѣмъ забраться подъ одѣяло — нужно соотвѣствующимъ образомъ и съ цѣлымъ искусствомъ сложить въ порядкѣ всѣ снятые съ себя вещи — куртку, рейтузы. денную рубашку, кальсоны и носки.

Въ особенности — кальсоны.

Они должны быть сложены правильнымъ четырехугольникомъ — такъ, что бы при каждомъ предложеніи любого корнета—а послѣдній можетъ разбудить васъ среди ночи—вы моглибы съ толкомъ

и полною серьезностью доказать ему по всѣмъ правиламъ геометріи равенство сторонъ квадрата.

Аваловъ не оставляетъ насъ и здѣсь — и отъ него мы учимся трудному искусству складыванія своихъ вещей.

Напряженное состояніе цѣлаго дня даетъ себя знать — и едва успѣвъ приложить голову къ подушкамъ, мы, молодые, начинаемъ засыпать.

Суровая дѣйствительность пропадаетъ и мы быстро уходимъ въ міръ молодыхъ и милыхъ сновъ

Но не долго балуютъ насъ эти сны.

Спустя часъ-другой, около полуночи мы внезапно просыпаемся отъ громкихъ и веселыхъ словъ, стука и звона многочисленныхъ, гремящихъ шпоръ.

Сразу же возвращается сознаніе...

Взводы — и первый, и второй, и третій, и четвертый — полны ими, возвратившимися къ урочному сроку изъ отпуска.

Вотъ оно, „благородное корнетство!"

Они переговариваются, устраиваются на койкахъ въ своихъ завѣтныхъ углахъ, мелькаютъ при свѣтѣ ночныхъ лампъ золотыми галунами мундировъ и свѣтлыми портупеями тяжелыхъ драгунскихъ шашекъ — и гремятъ, гремятъ шпорами, которыхъ у насъ нѣтъ!...

— Молодежь уже спитъ! — слышится чей-то высокій и увѣренный голосъ. — Молодежь—сугуба! Трепещи молодежь! Завтра — представиться мнѣ всѣмъ по очереди!

Что же — завтра, такъ завтра! Завтра — быть банѣ. Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ...

И мы опять засыпаемъ, уходя въ другой, лучшій міръ до того момента, когда въ 6 часовъ утра неожиданно-рѣзко проникаетъ въ нашъ сонный слухъ утренняя повѣстка кавалерійской трубы...

Пулей вставать, молодежь! Одѣваться, мыться — и строиться на средней площадкѣ!

Пулей, пулей! Послѣднему — пачка лишнихъ нарядовъ!

Меньше, чѣмъ въ четверть часа мы продѣлаваемъ и одѣванье, и умыванье, и причесыванье... Мы уже на средней площадкѣ, куда собирается весь эскадронъ — и корнеты, и звѣри, для встрѣчи дежурнаго офицера и утренней молитвы.

Полуэскадроны выстраиваются по сторонамъ площадки, лицомъ другъ къ другу, и между ними, немного отступя назадъ, — чтобы лучше видѣть все построеніе, — становится впервые новый вахмистръ эскадрона.

Это — „земной богъ".

Никто изъ молодыхъ даже не смѣетъ приблизиться и заговорить съ этимъ „земнымъ богомъ" — настолько высока и почетна его фигура.

Можно обратиться по службѣ и по дѣлу къ своему „взводному вахмистру" — и то въ случаяхъ исключительныхъ, дабы не безпокоить его съ пустяками.

Но „богъ земной" — для молодежи — недосягаемъ.

Онъ и живетъ отдѣльно отъ другихъ юнкеровъ — въ особой комнатѣ, смежной съ первымъ взводомъ, куда, разумѣется, можетъ быть вхожъ только старшій курсъ.

. . . .

Послѣ утренняго чая происходитъ разбивка по взводамъ, на которую является эскадронный командиръ.

Мы опять выстроены на средней площадкѣ — и около насъ дѣловито прохаживаются четыре взводныхъ вахмистра.

— Сейчасъ придетъ полковникъ, молодежь! — предупреждаютъ насъ корнеты. Отвѣчать на его

привѣтствіе отчетливо, безъ крика, но и не вяло! Полковникъ — строгъ, но справедливъ, и со слезами на глазахъ просилъ насъ „продернуть“ молодежь!

Полковникъ, конечно, никого ни о чемъ не просилъ — но такъ принято говорить молодежи по традиціи — и мы съ сердечнымъ трепетомъ ожидаемъ прихода эскадроннаго командира.

И онъ появляется.

Это — полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ, извѣстный въ свое время въ кавалерійскомъ мірѣ Нижегородецъ, Георгіевскій кавалеръ 1877 года, рѣдкій по своимъ качествамъ знатокъ коня и настоящій профессоръ конскаго экстерьера*)

Средняго роста, широкоплечій, съ изящными, слегка изогнутыми, кавалерійскими ногами, съ орлинымъ носомъ и черными, пушистыми бакенбардами — онъ производилъ на всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе, которое еще болѣе дополнялъ маленькій бѣлый крестъ Св. Георгія, — такой рѣдкій въ то время на офицерахъ, висѣвшій въ петлицѣ его сюртука.

Человѣкъ отчаянной и беззавѣтной храбрости лихой наѣздникъ грузинской крови — Карангозовъ въ войну 1877 го года съ небольшой горсточкой нижегородскихъ драгунъ, пожалуй, даже неожиданно самъ для себя — взялъ въ конномъ строю турецкое укрѣпленіе, перескочивъ, какъ черезъ барьеръ, черезъ его брустверъ и обративъ этимъ занимавшихъ укрѣпленіе турокъ въ полное. замѣшательство.

. . . .

На разбивку, сопровождая Карангозова — приходятъ и всѣ смѣнные офицеры.

---

*) Экстерьеръ — наука о внѣшнемъ видѣ лошади и объ опредѣленіи ея достоинствъ и недостатковъ по этому виду.

Кромѣ уже извѣстнаго читателю „милаго Саши" — А. И. Сорокина — здѣсь же и Глѣбъ Петровичъ Богинскій, штабсъ-ротмистръ „Боря" Гиппіусъ, хорошо извѣстный спортивному міру того времени Вилламовъ, очаровательный Ковако въ малиновыхъ чакчирахъ гродненскаго гусара, добрѣйшей души ротмистръ Коргановъ, капризный Лишинъ и всегда весьма философски настроенный Украинскаго полка штабсъ-ротмистръ Пономаревъ.

Карангозовъ обходитъ наши ряды, мѣряя каждаго своимъ красивымъ, орлинымъ взглядомъ.

— Въ четвертый... Во второй... Въ четвертый... Въ первый...

Вахмистра отмѣчаютъ распоряженія полковника и разводятъ насъ по мѣстамъ.

. . . .

День перваго сентября — день ужасный и страдный.

Въ этотъ день нѣтъ еще ни лекцій, ни ѣзды, ни другихъ строевыхъ занятій — и корнетство весь день занято нами, нашей пріемкой, нашимъ „продергиваніемъ".

Представленіе молодежи старшимъ идетъ во всѣхъ взводахъ и во всѣхъ углахъ, не ослабѣвая до поздняго вечера.

Кромѣ знанія полковъ — намъ задаютъ вопросы о самыхъ разнообразныхъ видахъ и предметахъ кавалерійскаго быта, и, кромѣ того, мы должны по своему умѣть отвѣтить на вопросы, на которые не въ состояніи, какъ нужно, отвѣтить ни одинъ профессоръ.

— Молодой такой-то! — подзываетъ васъ къ себѣ какой нибудь корнетъ. — Что такое прогрессъ?

Если вы не знаете, что слѣдуетъ отвѣтить на это по традиціи славной школы — то будете, конечно, говорить очень много и долго. Въ особенности попадались на этомъ молодые люди изъ

бывшихъ „ученыхъ“ — т. е. изъ студентовъ, лицеистовъ и правовѣдовъ, переходившихъ на путь кавалерійскихъ юнкеровъ.

— Прогрессъ — это движеніе человѣчества впередъ... Это всеобщее благо, приносимое цивилизаціей...

— Ничего подобнаго. Кру-гомъ! Пойдите, молодой, узнайте, что такое прогрессъ и явитесь мнѣ доложить!

Озадаченный „молодой“ направляется на поиски необходимыхъ знаній, которыя ему удавалось пріобрѣсти все-же не такъ легко.

Нужно было не только узнать, но и вызубрить наизусть цѣлое опредѣленіе заключавшееся въ слѣдующихъ словахъ:

— Прогрессъ есть константная эксибиція секулярныхъ новаторовъ тенденціи коминераціи индивидуумовъ соціалъ...

— Молодой! Что такое жизнь сугубаго вандала?

На это слѣдовало отвѣчать такъ:

— Жизнь вандала — есть громадный стеклянный шаръ, на тонкомъ волоскѣ висящій и разбивающійся при малѣйшемъ дуновеніи благороднаго корнета!

— А что такое механика, молодой?!

Не думайте, что на это слѣдовало отвѣчать, что механика есть наука.

Слѣдовало отвѣчать:

— Механика есть ничто иное, какъ абстрактъ феноменальной глупости!...

— Молодой! Что такое супервестъ?

— Что такое ментишкетъ? Что такое этишкетъ? Что такое панталеръ?

— Что такое брокдаунъ, молодой? Что такое кентеръ? Шлюзъ? Трензель?

А что такое *супервестъ* вы такъ и не узнали? Кру—гомъ!!!

. . . .

Будущій офицеръ конницы долженъ знать все, что касается деталей ея міра.

Супервестъ — это родъ плотной безрукавки краснаго цвѣта, одѣваемой въ торжественныхъ случаяхъ кавалергардами и конной гвардіей поверхъ бѣлаго колета, съ большою андреевскою звѣздою на груди (у Кавалергардовъ), или Двуглавымъ орломъ (у Конной Гвардіи).

Ментишкетъ — шнуръ, на которомъ держится гусарскій ментикъ; *этишкетъ* — шнуръ, идущій отъ уланской шапки къ плечу, подъ погонъ. *Панталеръ* — широкая перевязь черезъ плечо штандартнаго унтеръ-офицера, помогающая ему носить и возить на конѣ святыню полкового штандарта. *Брокдаунъ* — особая болѣзнь ногъ лошади, *кентеръ* — родъ сдержаннаго галопа, *шлюзъ* — внутренняя часть ноги, прилегающая къ сѣдлу, *трензель* — удило съ кольцами, отъ котораго идутъ трензельныя уздечки.

И еще вопросъ:

— Молодой! Какія подковы въ четвертомъ эскадронѣ Лейбъ Гвардіи Конно Гренадерскаго полка?

На это не всякій можетъ отвѣтить сразу, и другой молодой долго ходитъ по товарищамъ, стремясь познать истину.

А отвѣтъ на вопросъ весьма простой:

— Въ четвертомъ эскадронѣ Лейбъ-Гвардіи Конно Гренадерскаго полка подковы обыкновенныя!

Тяжелъ первый день школы. Корнетство не успокаивается со своей „пріемкой“ до поздняго вечера, и даже укладываніе послѣ зори въ койку не гарантируетъ молодому заслуженный покой.

— Кальсоны сложены неправильно! Развѣ это четырехугольникъ! Потрудитесь сложить какъ слѣдуетъ!

Вы складываете на ново, затѣмъ ложитесь, начинаете засыпать. но черезъ минуту васъ кто-нибудь будитъ снова:

— Молодой! Какіе вы пирожки любите больше? Съ капустой или говядиной?

Слава Богу, что завтра уже начало лекцій и строевыхъ занятій! Меньше времени для выполненія традицій!

V

Здорово — иксы, плюсы, зеты —
Научныхъ формулъ легіонъ —
Банкеты, траверсы, барбеты —
Ѣзда въ манежѣ без стременъ!

Изъ «Звѣріады».

Часы лекцій, часы науки — начинаются отъ 8 ми утра и продолжаются до полудня, когда наступаетъ перерывъ для завтрака.

Классы обоихъ курсовъ помѣщаются въ особомъ классномъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ зданіемъ школы галлереей.

Въ корридорѣ этой галлереи, блестя своею сталью, стоитъ легкое артиллерійское орудіе, мимо котораго юнкера по нѣсколько разъ въ день проходятъ въ обѣ стороны.

Въ классахъ — двѣ половины. Одна, — обыкновенно, правая — занята юнкерами эскадрона; лѣвая — юнкерами казаками сотни, помѣщающейся надъ нами этажемъ выше.

Сотня училища — входитъ въ его составъ, но имѣетъ свои особенности и свою исторію.

Наукъ, воспринимаемыхъ юнкерами — достаточно, и кромѣ общихъ военныхъ — у насъ есть свои особыя науки, изученіе которыхъ обязательно только для кавалериста.

Къ числу кавалерійскихъ относится „Исторія конницы“ и „Гиппологія“, причемъ послѣдняя имѣ-

етъ свои подъотдѣлы, въ число которыхъ входитъ „Экстерьеръ“.

Юнкера — слушатели лекцій, дробясь по отдѣленіямъ, имѣютъ на каждый предметъ по нѣскольку преподавателей, изъ числа коихъ наиболѣе памятными являются слѣдующія лица.

Во первыхъ — преподаватель русскаго языка и литературы Мохначевъ — убѣленный сѣдинами старецъ, воспитавшій на своихъ лекціяхъ буквально и отцовъ, и дѣтей.

Съ какимъ чувствомъ и увлеченіемъ разсказывалъ этотъ почтенный филологъ звенящимъ шпорами юнкерамъ о бѣдной Карамзинской Лизѣ, такъ горько обманутой Эрастомъ!

За Мохначевымъ идетъ знаменитый преподаватель артиллеріи генералъ Христичъ, также не одному поколѣнію сообщившій о томъ, что *„порохъ сгораетъ чрезвычайно быстро, но не мгновенно“*...

Онъ также всю жизнь училъ и отцовъ, и дѣтей — и умеръ во время нашего пребыванія въ школѣ, доживъ до солидной старости.

Я, какъ сейчасъ, помню его похороны, церковь училища, всю обтянутую чернымъ крепомъ во время отпѣванія и проводы его къ могилѣ всѣми офицерами и воспитателями съ хоромъ трубачей во главѣ.

Тактику читалъ намъ полковникъ Генеральнаго Штаба Алексѣевъ — впослѣдствіи извѣстный всей Имперіи Главнокомандующій, а „Исторію конницы“ — полковникъ Генеральнаго Штаба Морицъ, бывшій Владимірскій уланъ.

Полковникъ Морицъ — носившій въ нашихъ кругахъ названіе Морица-Кавелахтскаго (отъ Кавелахтскихъ высотъ, находящихся въ окрестностяхъ Дудергофа и Краснаго Села, гдѣ въ мирное время рѣшались тактическія задачи подъ руководствомъ полковника) — читалъ намъ лекціи о сраженіи при Каннахъ и Гавгамелахъ — гдѣ кавале-

рію еще замѣняли фаланги слоновъ — читалъ о подвигахъ и походахъ блестящей конницы Густава Адольфа, съ увлеченіемъ воспроизводилъ въ разсказѣ знаменитую атаку польскихъ уланъ при Сомо Сьеро въ Испаніи, о дѣйствіяхъ партизана Сеславина въ 1812 мъ году.

Кромѣ полковника Морица военныя науки въ наше время преподавались офицерами Генеральнаго Штаба Епанчинымъ (впослѣдствіе директоръ Пажескаго Корпуса), Осиповымъ, законовѣдѣніе читалось полковникомъ Селецкимъ, артиллерію, кромѣ Христича, читалъ еще генералъ Будаевскій.

Военную топографію намъ излагалъ полковникъ Трамбицкій, фортификацію полковникъ Фалевичъ, капитанъ Колонтай, — а химію и механику, считавшуюся среди насъ „науками сугубыми"—читалъ „штатскій" профессоръ Богаевскій.

Науку о лошади или „иппологію" преподавалъ магистръ ветеринарныхъ наукъ Коноплянниковъ, а экстерьеръ излагалъ въ манежѣ самъ полковникъ Карангозовъ, причемъ лучшаго лектора по этому предмету найти было трудно.

Зубрить приходилось порядочно, тѣмъ болѣе, что лекторы не бывали особенно щедры на баллы, а получаемыя неудовлетворительныя отмѣтки лишали права на субботній отпускъ и заставляли сидѣть въ стѣнахъ училища въ свободное время.

Репетиціи производились два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ вечеромъ — и такъ продолжалось въ теченіе цѣлаго года, вплоть до экзаменовъ, происходившихъ весной.

. . . .

Послѣ завтрака начиналось время манежа и другихъ строевыхъ занятій.

Гвоздемъ всего была, конечно, верховая ѣзда — производившаяся ежедневно въ теченіе всѣхъ двухъ лѣтъ.

Два года юнкеръ ежедневно общался съ конемъ, или, вѣрнѣе, съ разными конями, такъ какъ „прививаться" къ одной лошади не рекомендовалось и любителей такой „прививки" опытный смѣнный офицеръ тотчасъ-же пересаживалъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ начала учебныхъ занятій, съ учебныхъ сѣделъ, на которыхъ мы ѣздили въ манежахъ, совершенно снимались стремяна; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вплоть до середины февраля, мы ѣздили безъ стремянъ, постепенно и прочно „садясь въ сѣдло."

За это время намъ, смотря по успѣхамъ, и давались шпоры.

Особенно почетны были шпоры первыя.

Ихъ получало не больше пяти-шести человѣкъ на смѣну, и поздравлялъ съ ихъ полученіемъ, обыкновенно самъ Начальникъ Училища по представленіи командира эскадрона.

Начальникомъ училища былъ онъ — знаменитый въ свое время генералъ П. А. Плеве, „Павлуша" — врагъ „цука", традицій и собственнаго обмундированія юнкеровъ.

Онъ ведетъ со всѣмъ этимъ долгую и упорную борьбу, издаетъ спеціальную инструкцію для юнкеровъ, сыплетъ строгими приказами -- но, несмотря на весь проводимый имъ по отношенію къ традиціямъ терроръ, традиціи остаются традиціями и права „корнетъ„ со „звѣрями" уравняться не могутъ.

Невысокаго роста, въ пенсне, въ формѣ и съ аксельбантами генерала генеральнаго штаба—строгій „Павелъ", въ неурочное время — и совершенно нежданно — выростаетъ то въ одномъ, то въ другомъ корридорѣ школы, ловитъ на мѣстахъ преступленія „цукомъ", конфискуетъ собственные лакированные сапоги и собственныя-же „Савельскіе" шпоры *) и водворяетъ въ карцеръ тѣхъ, на кого

*) Отъ фамиліи Савельева — единственный въ старомъ Пе-

упалъ въ эти минуты нежданный Дамокловъ мечъ.

Юнкерскіе разсказы гласятъ, что строгій „Павлуша" суровъ не только по отношенію къ своимъ воспитанникамъ-юнкерамъ, но и къ самому себѣ.

Говорили, что, замѣтивъ за собой какой либо личный проступокъ, въ видѣ возможнаго опозданія на службу, на какой-нибудь смотръ юнкеровъ и т. д. — онъ будто-бы самъ себя наказывалъ, становясь въ своей квартирѣ, въ столовой комнатѣ, въ присутствіи всей семьи — на опредѣленное время „подъ шашку", т. е. на часы, такъ какъ ставятъ на часы въ видѣ наказанія провинившихся юнкеровъ.

Конечно, это все только юнкерскія фантиазіи разсказы.

П. А. Плеве — нынѣ уже покойный — впослѣдствіи былъ Командующимъ Войсками Виленскаго Округа, а въ Великую войну командовалъ Iᵃ-ой Арміей.

. . . .

Въ первой половинѣ сентября — въ одно изъ воскресеній — торжественный и много значущій для всѣхъ насъ день — день присяги.

Съ этого момента мы всѣ уже становимся настоящими солдатами, воинами, носителями завѣтовъ великаго долга.

Съ момента присяги — кончается вольная, ни къ чему не обязывающая жизнь юноши; начинается жизнь мужчины, готоваго каждую минуту принести эту жизнь въ жертву Родинѣ на полѣ брани.

Въ этотъ день — какъ-бы самъ собою угасаетъ балаганъ корнетскаго цука, смолкаютъ шутки, исчезаютъ ненужные смѣшки и остроты.

Всѣ серьезны — начиная съ офицеровъ и кончая послѣднимъ, лѣвофланговымъ юнкеромъ.

тербургѣ спеціальный магазинъ шпоръ на Казанской улицѣ, широко извѣстной всей кавалерійской Россіи.

На насъ — чистенькіе, первосрочные только что пригнанные мундиры, свѣжая ременная аммуниція, красно-черные, полосатые кушаки, новые, высокіе сапоги со шпорами.

На насъ — тяжелыя, впервые возложенныя на себя драгунскія шашки, и въ лѣвой рукѣ, взятые пріемомъ „на молитву" — барашковыя драгунки съ красными донышками и серебряной Андреевской звѣздой, бѣлыя замшевыя перчатки, красиво оттѣняющія своею бѣлизною весь остальной уборъ.

— Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, передъ Святымъ Его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ... повторяются за училищнымъ священникомъ слова громадной присяги... Обѣщаюсь и клянусь!...

Мы клянемся въ вѣрности Царю и Отечеству, въ готовности переносить вездѣ и всюду холодъ, голодъ и всѣ нужды солдатскія, въ неизмѣнномъ и вѣрномъ желаніи и стремленіи блюсти интересы своего Верховнаго Вождя и пресѣкать въ самомъ корнѣ какія-бы то ни было поползновенія со стороны его враговъ причинить ему ущербъ или убытокъ... Клянемся быть храбрыми и самоотверженными въ штурмахъ и атакахъ, драться въ нихъ до послѣдней капли крови и, встрѣчая съ даннымъ намъ въ руки оружіемъ врага, — сильное и вѣрное чинить ему сопротивленіе...

Въ этотъ день мы впервые выходимъ въ отпускъ на улицы Петербурга въ формѣ юнкеровъ школы.

Стараемся во всю „не зѣвать по сторонамъ" дабы не пропустить кого либо съ отданіемъ чести, и, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, избѣгаемъ по долгу разгуливать пѣшкомъ и почти всюду ѣздимъ на извозчикѣ, пользуясь услугами многочисленныхъ столичныхъ „Ванекъ".

. . . .

Петербургъ того времени — а этому всего съ небольшимъ тридцать лѣтъ — еще не зналъ ни од-

ного автомобиля, и надъ всѣми его просторами и пространствами властно царилъ только извозчикъ и обственные экипажи.

Существовалъ ресторанъ француза Мишеля на Исаакіевской площади — тайно допускавшій нашихъ юнкеровъ въ свои кабинеты, и была гостинница «Angleterre“ на Малой Морской, куда также попадали наши „школисты“ на одну-другую бутылку благороднаго вина, распивавшагося съ „пріѣзжими родственниками“ въ общей залѣ.

Для этого существовалъ особый порядокъ.

Одинъ изъ столиковъ въ общей залѣ занимался солиднымъ съ виду и хорошо одѣтымъ господиномъ въ статскомъ платьѣ, заказывавшимъ шикарный обѣдъ съ виномъ и всѣми остальными „анерами“.

Спустя нѣкоторый срокъ пріѣзжали два-три юнкера, радостно встрѣчаемые этимъ солиднымъ господиномъ — и вслѣдъ за этимъ начиналось угощеніе, продолжавшееся очень долго.

Впечатлѣніе получалось такое, что изъ имѣнія въ провинціи пріѣхалъ въ столицу какой-нибудь „дядюшка“ и вызвалъ къ себѣ въ гостинницу изъ училища любимаго юнкера племянника съ лучшими его друзьями.

Все это устраивалось заботливымъ и любившимъ нашихъ юнкеровъ хозяиномъ „Angleterre“.

Дядюшка былъ просто подставнымъ лицомъ, получавшимъ впослѣдствіи соотвѣтствующее вознагражденіе отъ самихъ же юнкеровъ, но необходимый декорумъ соблюдался, и никто изъ публики не могъ-бы усумниться въ дѣйствительности и дядюшки и воспитанныхъ его племянниковъ, кушавшихъ вокругъ него за столомъ хорошій обѣдъ и пившихъ тонкія французскія вина.

Юнкера школы, подобно другимъ воспитанникамъ петербургскихъ училищъ и военно-учебныхъ заведеній то и дѣло приглашались на очередные

сезонные балы то въ одно, то въ другое мѣсто— но первоклассными танцорами мы не считались.

Танцы и бальное ухаживаніе не были нашей областью.

На этомъ поприщѣ подвизались другіе — артиллеристы — михайловцы, артиллеристы — константиновцы. инженеры изъ Павловскаго замка у Лѣтняго Сада, и, конечно, наша строгая антитеза — знаменитые представители россійской пѣхоты, „Павлоны", т. е. юнкера Павловскаго Военнаго Училища.

Всѣ они блистали своимъ умѣніемъ танцовать и ухаживать на вечерахъ — и ихъ несравнимо больше цѣнили, какъ таковыхъ, петербургскія бальныя барышни.

Это была еще эпоха длинныхъ косъ, длинныхъ платьевъ, воздушныхъ шлейфовъ, эпоха кадрилей, котильонныхъ орденовъ, вѣнскаго вальса, па-де катра и па-де-патинера.

. . . .

Лучшимъ баломъ считался балъ морского корпуса — и, пожалуй, залъ, въ которомъ происходилъ этотъ балъ — не имѣлъ по своей величинѣ равныхъ себѣ во всемъ Петербургѣ.

Не уступалъ балу моряковъ и балъ Михайловцевъ-артиллеристовъ, назначавшійся, обыкновенно, на 8-е ноября.

Мы приглашались на всѣ эти балы — танцевали съ встрѣчавшимися на нихъ знакомыми по Петербургу барышнями — но своихъ сердецъ и душъ этимъ встрѣчамъ и баламъ не отдавали.

Кавалеристы въ этомъ отношеніи держались какъ-то особнякомъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что разговоры о женщинахъ, ухаживаніяхъ и любви — въ нашей юнкерской жизни занимали очень незначительное мѣсто.

Они совсѣмъ не гармонировали съ общимъ нашимъ тономъ, каковымъ былъ культъ коня, верховой ѣзды и связанныхъ со всѣмъ этимъ деталей.

За золото — купишь четыре жены
Конь-же лихой — не имѣетъ цѣны".

сказалъ нашъ Лермонтовъ —

Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ —
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ!

Будущій офицеръ конницы долженъ былъ воспитать себя такъ, чтобы самое большое мѣсто въ его сердцѣ было предоставлено любимой лошади, съ которой онъ долженъ составлять одно цѣлое.

Всѣ остальныя увлеченія и страсти — второстепенны, малозначущи и не могли и не должны были надолго остановить на себѣ вниманіе лихого юнкера.

VI

Заслышавъ ласковое ржанье —
Желанныхъ вороныхъ коней —
Чье сердце, полное вниманья,
Вдругъ не запрыгало сильнѣй?

Лермонтовъ.

Лошади, на которыхъ мы обучались ѣздѣ сначала въ манежѣ училища, а затѣмъ на военномъ полѣ Красносельскаго Авангарднаго лагеря — представляли собою полный составъ боевого эскадрона и обслуживались цѣлою командой спеціальныхъ конюховъ, въ наше время вольнонаемныхъ, во главѣ коихъ стоялъ сверхсрочный вахмистръ Бѣлявскій.

Конюха, убиравшіе нашихъ коней, на нашемъ языкѣ обыкновенно назывались „штатскими изъ манежа".

Они приводили конскія смѣны на уроки ѣзды выжидали въ предманежникахъ его окончанія, ставили по приказанію офицера для насъ барьеры и

вновь уводили обратно въ конюшни нашихъ четвероногихъ друзей.

Друзья эти были разныхъ мастей, самыхъ разнообразныхъ темпераментовъ и характеровъ, и носили, какъ и всѣ лошади россійской кавалеріи, очень оригинальныя ремонтныя имена.

Какъ, вѣроятно, многимъ извѣстно, россійскій конскій ремонтъ, производившійся ежегодно, поставлялъ въ полки въ каждый срокъ лошадей съ именами на одну букву алфавита, т. е. въ 1880-мъ году, скажемъ, всѣ лошади были на „А": „Арбузъ", „Альбатросъ", „Альказаръ", Арфа" и т. д., а въ 1881-мъ — на „Б" — т. е. „Баянъ", „Бунчукъ", „Баядерка", „Балаклава"...

Имена назначались всюду ремонтерами прямо по словарю — благодаря чему получались веселые курьезы".

Конь „Идіотъ" — трясъ въ сѣдлѣ, какъ идіотъ, „Женщина" — била неосторожнаго задомъ,— „Кокетка" — любила „опрокидываться", большой конь перваго взвода „Дидро"—былъ поразительно глупъ и до ужаса боялся простого хворостянаго барьера, а „Коперникъ" — по странной ироніи судьбы былъ настоящимъ звѣздочетомъ и его не могли собрать самыя строгія мундштученія.

На мундштуки переходили послѣ Рождества, во второй половинѣ учебнаго года, первая-же половина обученія велась исключительно на уздечкахъ и на манежномъ сѣдлѣ.

Ежедневная трепка въ манежѣ сначала утомляла, но съ теченіемъ времени каждый юнкеръ настолько втягивался въ это дѣло, что уже безъ ѣзды чувствовалъ себя не по себѣ.

Молодой организмъ привыкалъ къ ѣздѣ и движенію на конѣ, какъ къ пищѣ, соотвѣтственно ей развивались и нужные мускулы, работали легкія, сердце и желудокъ — и все тѣло, помимо собственной воли — постепенно становилось тѣломъ на-

стоящаго кавалериста, а вмѣстѣ съ тѣломъ соотвѣтственнымъ образомъ становился кавалерійскимъ и духъ.

Слабые и болѣзненные юноши крѣпли и здоровѣли, робкіе маменькины сынки дѣлались неожиданно отчаянными спортсменами, самоуглубленные бывшіе студенты превращались въ веселыхъ и жизнерадостныхъ молодцовъ.

Кромѣ ѣзды — строевое обученіе выражалось въ вольтижировкѣ, фехтованіи на рапирахъ и эспадронахъ, рубкѣ съ коня и въ пѣшемъ строю глины и лозы, въ фехтованіи учебною пикою съ лошади.

Послѣднее походило на настоящіе рыцарскіе турниры.

Одѣтые въ предохранительные нагрудники, маски и краги бойцы стремглавъ неслись навстрѣчу другъ другу съ пиками къ бою, и зачастую случалось, что подъ мѣткимъ ударомъ пики противника одинъ изъ сражавшихся кувыркомъ летѣлъ съ сѣдла на опилки манежа.

Вообще, въ нашей школѣ — лазаретный гость изъ юнкеровъ съ переломанною ногой, рукой или ключицей — былъ далеко не рѣдкостью. Даже манежная ѣзда бываетъ связана съ массою опасностей, оберечь себя отъ коихъ никакъ нельзя.

Впрочемъ, первый изъ молодыхъ юнкеровъ, свалившійся на ѣздѣ съ лошади — или, по нашему выраженію, „закопавшій первую рѣдьку“ — получалъ особыя въ этомъ случаѣ поздравленія и окружался нѣкоторымъ почетомъ.

Ему подносилась всѣми товарищами по смѣнѣ маленькая золотая рѣдька—брелокъ, на коей была выгравирована фамилія виновника торжества и знаменательная дата его перваго паденія.

Рѣдьку эту, по традиціи, дѣлали въ извѣстной на весь Петербургъ мастерской орденовъ и жетоновъ Кортмана, а получавшій ее на память счастли-

вый несчастливецъ — въ отвѣтъ на подношеніе угощалъ всѣхъ друзей сладкими пирожками, за которыми посылалось обыкновенно въ не менѣе знаменитую кондитерскую Иванова на площади Маріинскаго театра.

. . . .

VII.

Спустя нѣкоторый срокъ послѣ дня нашей присяги, старшій курсъ устраивалъ намъ торжественное чтеніе знаменитаго „Приказа по курилкѣ".

Приказъ этотъ, какъ говорятъ, былъ впервые именно написанъ Лермонтовымъ, и только впослѣдствіи соотвѣтствующимъ образомъ дополнялся.

Послѣ окончанія занятій, передъ вечернею перекличкой, въ отдаленную юнкерскую курилку собиралась вся молодежь, выстраивалась вдоль стѣнъ этой комнаты и терпѣливо ожидала послѣдующихъ событій.

Одинъ за другимъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, входили въ курилку корнеты.

У каждаго изъ нихъ на головѣ надѣта офицерская фуражка его любимаго полка, преимущественно того полка, въ какой онъ предполагалъ выйти при производствѣ.

Мы — молодые, неподвижно и покорно стояли на своихъ мѣстахъ, а разгуливавшее непринужденно вдоль нашихъ шеренгъ корнетство, освѣщало насъ своими свѣчами и пристально разглядывало каждаго изъ насъ, какъ бы интересуясь нашимъ звѣрскимъ и хвостатымъ видомъ.

Затѣмъ — громко и торжественно звучала команда „смирно" — и начиналось чтеніе великаго приказа.

Его внятно и четко читалъ одинъ изъ „маіоровъ" — т. е. юнкеръ, оставшійся на младшемъ курсѣ на второй годъ.

Маіоръ имѣлъ на головѣ особую „маіорскую“ фуражку — ея тулья и околышъ представляли мозаику изъ кусочковъ цвѣтовъ всѣхъ полковъ, имѣвшихся въ рядахъ конницы.

Два корнета съ шашками, взятыми „на караулъ“ стояли по бокамъ „маіора“, читавшаго приказъ.

. . . .

„Звѣри, сугубые звѣри — хвостатые, мохнатые, пернатые!“ — такъ, приблизительно начинался текстъ приказа, раздѣленнаго на пункты...

„Сугубые звѣри! — земля трескается, камни лопаются, воды выходятъ изъ береговъ при видѣ васъ, сугубыхъ и хвостатыхъ!

И было утро — и былъ вечеръ — пунктъ первый!

Помните, звѣри, что вступивъ подъ своды славной Гвардейской Школы — вы становитесь жалкимъ подобіемъ ея юнкеровъ!

А потому, сугубые звѣри — вы должны помнить о томъ высокомъ достоинствѣ, которое на васъ возложено и дѣлать все возможное, чтобы ничѣмъ не уронить чести, возложенной на васъ!...

А потому — вы должны“...

И дальше начинался рядъ параграфовъ, въ которыхъ излагались правила и традиціи, которыя мы должны были соблюдать.

Было много шутливаго, балаганнаго — но было много и очень дѣльнаго, серьезнаго, весьма умѣло скрывавшаго подъ шуткой разумное правило, соблюденіе котораго вело къ положительнымъ результатамъ.

Въ общемъ, въ пунктахъ приказа, въ большинствѣ случаевъ излагались тѣ же традиціи, о коихъ уже упоминалось или будетъ еще упоминаться по ходу настоящаго очерка.

Съ произнесеніемъ послѣдняго слова приказа всѣ корнеты неожиданно тушили свѣчи — и въ

курилкѣ воцарялась сразу глубокая, непроходимая тьма.

И вмѣстѣ съ наступленіемъ этой тьмы хоръ корнетъ начиналъ пѣть вступленіе къ „Звѣріадѣ..."

„Темно... Темно,.. Темнымъ — темно-темно —
Весь авангардный лагерь спитъ —
Крѣпко спитъ!...

И затѣмъ, быстро зажигая всѣ свѣчи корнеты дружно начинали самую „Звѣріаду".

— Какъ наша школа открывалась —
Надъ ней разверзлись небеса —
Завѣса на двое распалась
И были слышны голоса и т. д.

Воспроизводить-ли мнѣ текстъ этой пѣсни?

Я воздержусь отъ этого.

Звѣріада Николаевской Школы послужила образцомъ для многихъ другихъ звѣріадъ, и, потому слова ея въ достаточной мѣрѣ извѣстны.

Послѣ окончанія пѣнія „Звѣріады" вся молодежь должна была „пулей" покинуть курилку подъ поощрительные крики корнетовъ.

Послѣ приказа по курилкѣ корнетами устраивался такъ называемый „корнетскій обходъ."

Это уже былъ въ своемъ родѣ настоящій и очень интересный маскарадъ, происходившій послѣ вечерней переклички.

Собирались всѣ въ первомъ взводѣ. Корнеты двигались изъ перваго взвода по всѣмъ остальнымъ длиннымъ рядомъ, „справа по одному", со свѣчами въ рукахъ, съ корнетскими фуражками на головахъ, и, вдобавокъ, одѣтые зачастую въ самые разнообразные костюмы и формы.

Послѣдніе добывались изъ различныхъ костюмныхъ мастерскихъ Петербурга; такъ, помню, какъ одинъ изъ юнкеровъ—корнетъ, до мельчайшихъ деталей одѣлся на корнетскій обходъ гусаромъ эпохи

1812 года, другой несъ на себѣ латы средневѣковаго рыцаря, а третій — неожиданно для всѣхъ нарядился въ шелка декольтированной маркизы.

Впереди обхода двигались мандолинисты и балалаечники, а всѣ участвующіе въ обходѣ пѣли въ тактъ марша особую пѣсню, сложенную въ честь одного изъ бывшихъ инспекторовъ классовъ школы.

Такова была эта традиція.

VIII

Зима, дѣлимая на двѣ части рождественскими каникулами — проходила быстро и вмѣстѣ съ весенниими лучами и таяніемъ снѣга приближалось время весенняго царскаго смотра на Марсовомъ полѣ, извѣстнаго подъ названіемъ „Майскаго парада„.

Майскіе парады процвѣтали при Императорѣ Александрѣ II-мъ, были забыты при спокойномъ и не любившемъ блеска Александрѣ III-мъ и были возобновлены молодымъ и только что женившимся на Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ Государемъ Николаемъ II-мъ.

Приготовленіе и репетиціи къ Майскому параду начинались задолго до Пасхи.

Младшій курсъ, прошедшій за зиму суровую школу манежной ѣзды — уже прочно и свободно сидѣлъ на коняхъ, посѣдланныхъ ленчиками, т. е. строевыми сѣдлами при полномъ вьюкѣ.

Полковникъ Карангозовъ начиналъ ежедневно „съѣзжать“ эскадронъ еще съ конца марта, едва только спадалъ снѣгъ съ училищнаго плаца, находившагося напротивъ зданія школы, по другую сторону Новопетергофскаго.

Плацъ былъ весь покрытъ весеннею, липкою грязью — и мы, сидѣвшіе на коняхъ въ полной боевой аммуниціи, впервые познавали обратную сторону лихой кавалерійской медали, возвращаясь съ плаца покрытыми гразью съ головы до ногъ.

Карангозовъ въ эти дни былъ безпощаденъ, не признавалъ никакихъ нѣжностей и заставлялъ насъ мѣсить конскими ногами болото учебнаго плаца по два часа безъ передышки.

И за то уже „съѣзжалъ“ эскадронъ, какъ говорилось, „на совѣсть“.

Передъ самымъ майскимъ парадомъ насъ водили на его репетицію уже на самое Марсово поле, гдѣ ее производилъ самъ Инспекторъ Кавалеріи Великій Князь Николай Николаевичъ.

Репетиціи эти заставляли себя очень и очень чувствовать.

Великій Князь на этихъ репетиціяхъ, какъ настоящій Инспекторъ конницы, показывалъ себя во весь ростъ.

Разносилъ командировъ, по нѣскольку разъ пропускалъ мимо себя поэскадронно цѣлыя части, все время мѣняя аллюръ, „выставлялъ“ съ плаца съ позоромъ самые блестящіе гвардейскіе полки...

Начальство нервничало, потрухивало, передавало нервность людямъ — но въ результатѣ Великій Князь достигалъ своей цѣли и полки конницы, прибывавшіе на майскіе парады — представлялись въ самомъ лучшемъ видѣ.

. . . .

Вотъ онъ, день майскаго парада.

Правда, мая еще нѣтъ — едва вступилъ въ свои права прелестный петербургскій апрѣль — съ только-что прошедшимъ по Невѣ Ладожскимъ льдомъ, окончившейся Святой недѣлей и свѣжимъ. особеннымъ воздухомъ, наполняющимъ сѣверную столицу.

Подъ несмѣлыми, скромными лучами чуть зазеленѣли почки на деревьяхъ Лѣтняго сада и заблестѣли дѣвственнымъ изумрудомъ его бархатные газоны.

Сдержанная суета въ этотъ день въ помѣщеніяхъ и взводахъ эскадрона и сотни...

Майскій парадъ, смотръ Царя...

Взводные эстандартъ-юнкера по нѣсколько разъ провѣряютъ на насъ пригонку аммуниціи, выстраиваютъ, вертятъ кругомъ.

Сбоку — шашки съ вложеннымъ въ гнѣздо штыкомъ, черезъ плечо — винтовка. въ патронной сумкѣ — полный комплектъ боевыхъ обоймъ.

Готовы и кони...

Мы — часть гвардіи — соотвѣтственно этому убраны и наши четвероногіе друзья...

Поверхъ сѣдла — черный гвардейскій суконный вальтрапъ съ красною полосою, Андреевская звѣзда и вензеля Императора по угламъ.

Садимся на дворѣ школы и повзводно выѣзжаемъ на Новопетергофскій, гдѣ окончательно строитъ и выравниваетъ эскадронъ Карангозовъ.

Впереди — штандартъ съ ассистентами, четыре гвардейскихъ трубача...

„Справа по три!..

Изъ тайниковъ и манежей училища мы впервые выливаемся на улицы столицы въ блестящемъ, окончательно обработанномъ видѣ настоящихъ молодыхъ кавалеристовъ.

Солнце еще не высоко — но съ каждою минутою все ярче и смѣлѣе его лучи, играющіе на нашихъ галунахъ, пуговицахъ и темной стали винтовокъ.

Идемъ Ново-Петергофскимъ, поворачиваемъ на набережную Фонтанки, за Измайловскимъ мостомъ выходимъ на гладкую торцовую мостовую, по которой мягко и безъ стука ступаютъ копыта нашихъ коней.

Рядомъ улицъ, согласно заранѣе извѣстному маршруту — стремимся мы къ площади Зимняго Дворца, гдѣ выстраивается для императорскаго объѣзда кавалерія.

Мы—на ея правомъ флангѣ, на первомъ мѣстѣ передъ царскимъ конвоемъ,передъ кавалер-гардами

Но какими скромными выглядимъ мы въ нашихъ драгунскихъ мундирахъ по сравненію съ ослѣпительнымъ блескомъ латъ кирасирской дивизіи, ярко-красными черкесками конвойцевъ, бѣлыми султанами уланъ и картинностью красныхъ доломановъ и опушенныхъ мѣхомъ ментиковъ гусаръ Царскаго Села.

Одинъ за другимъ выливаются на площадь полки гвардейской кавалеріи, привѣтствуя другъ друга звуками полковыхъ маршей.

Привѣтствіе это выражается въ томъ, что конно-гренадеры, проходя мимо кавалергардовъ — играютъ маршъ кавалергардовъ, а кавалергарды, отвѣчая на привѣтъ — играютъ маршъ конно-гренадеръ и т. д.

А лучи солнца все разыгрываются и разыгрываются, заливая подъ конецъ собою всю и безъ того яркую, сіяющую красками картину.

Спустя нѣкоторый срокъ, еще задолго до начала царскаго объѣзда — объѣзжаютъ полки конницы Генералъ Инспекторъ В. К. Николай Николаевичъ и Командующій всею Гвардіей и Петербургскимъ Военнымъ Округомъ В. К. Владиміръ Александровичъ.

Объѣздъ Царя начинается послѣ нихъ.

Императоръ ѣдетъ верхомъ, одѣтый въ Преображенскій мундиръ, далеко впереди свиты, а за послѣднею, въ коляскѣ, везомой бѣлыми лошадьми „à la Daumont“ — ѣдутъ одѣтыя въ бѣлые весенніе туалеты двѣ Императрицы — жена и мать Царя.

Площадь тонетъ въ краскахъ и звукахъ.

Полки, которые уже отвѣтили на Царское привѣтствіе — кричатъ „ура“, хоры трубачей играютъ гимнъ, командиры частей громко и пѣвуче повторяютъ предварительныя команды.

Объѣздъ не можетъ быть конченъ скоро.

Вѣдь тамъ, на громадной площади Марсова поля — стоитъ пѣхота, столько штыковъ, съ знаме-

нами Великаго Петра на флангахъ, стоятъ длинные ряды артиллеристовъ съ тяжелыми и легкими орудіями, покоящимися на зеленыхъ лафетахъ.

Не скоро можно даже рысью объѣхать весь парадъ — всѣ фронты частей, выстроившихся на большомъ приневскомъ пространствѣ.

Однако — всему приходитъ свой часъ.

Долго-долго идетъ мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ пѣхота — но мы не видимъ этого марша, такъ какъ насъ съ площади Зимняго Дворца постепенно проводятъ на Марсово Поле окольнымъ путемъ — черезъ Морскую и другія улицы, на что есть также свой планъ и свой маршрутъ... Трудно урегулировать въ порядкѣ громадное стеченіе войскъ, сосредотачивающихся на мѣстѣ смотра.

Скачутъ адъютанты, полевые жандармы въ голубыхъ мундирахъ, стоятъ жалонеры съ цвѣтными флажками на штыкахъ винтовокъ.

Тротуары залиты публикой, петербургскимъ народомъ, воспитанниками учебныхъ заведеній, пріостановлена совершенно всякая ѣзда.

. . . .

И вотъ, прямо передъ нами — Марсово Поле...

Направо отъ насъ — зеленѣющіе первою зеленью кусты Лѣтняго Сада, трибуны для зрителей передъ нимъ — далеко впереди Дворецъ Ольденбургскихъ и кажущійся издали совсѣмъ крошечнымъ памятникъ Суворова.

Налѣво — длинные корпуса зданій Павловскихъ казармъ.

Четыре юнкерскихъ взвода, идущихъ на флангѣ всей конницы парада заѣзжаютъ правымъ плечомъ и строятъ развернутый фронтъ эскадрона.

Вдали — рѣзко и внятно звучитъ серебряная труба.

Это — сигналъ Императора, за которымъ стоитъ трубачъ-конвоецъ.

— Та-та-ти-тара-та-та-та-тамъ!

— Всадники шагомъ выступайте въ походъ!

Слава Богу — шагомъ! Не рысь, не галопъ, а шагъ!

Со стороны Государя, фигура котораго уже ясно видна при весеннемъ солнцѣ каждому юнкеру — намъ несется навстрѣчу нашъ маршъ, — училищный маршъ, играемый хоромъ трубачей офицерской кавалерійской школы.

Впереди эскадрона, двигаясь еще шагомъ, но поднявъ уже шашку подвысь, ѣдетъ на великолѣпномъ гнѣдомъ арабѣ Карангозовъ.

Еще далеко отъ него Царь; и вдругъ, давъ коню легкія шпоры, этотъ лихой наѣздникъ стремительно несется впередъ полнымъ карьеромъ и ловко правя лошадью, дѣлаетъ большой и красивый заѣздъ полукругъ, и затѣмъ, рѣзко посадивъ коня на заднія ноги, какъ вкопанный останавливается въ двухъ трехъ шагахъ отъ Императора, тотчасъ-же опуская шашку къ шпорѣ... Красота!,.

Это обычный командирскій заѣздъ — но какъ безукоризненно дѣлаетъ его на глазахъ у всего, можно сказать, Петербурга, нашъ „отчетливый" строевой воспитатель.

И, равняясь изъ всѣхъ силъ, мы проходимъ развернутымъ фронтомъ мимо Государя, похвала котораго уже звучитъ намъ вслѣдъ...

Но это еще не конецъ парада.

Намъ — именно намъ, единственнымъ изъ всѣхъ училищъ — суждено принять участіе и въ послѣднемъ, заключительномъ аккордѣ прелестнаго военнаго торжества — общей атакѣ кавалеріи, несущейся изъ глубины Марсова поля полнымъ ходомъ къ линіи Царской палатки.

И мы несемся, по сигналу Генералъ-Инспектора — все поле гремитъ отъ конскаго топота, бряцанія палашей и сабель, звяканья стремянъ и подковъ.

— Стой, равняйся — стой!

Генералъ-Инспекторъ не спѣшитъ съ этимъ сигналомъ и останавливаетъ несущуюся конницу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Государя и ложи Императрицъ...

Парадъ теперь конченъ — мы идемъ домой.

Гремятъ хоры трубачей и музыкантовъ, части войскъ крестятъ Петербургъ, расходясь въ разныя стороны. Столица полна движенія, веселыхъ и здоровыхъ лицъ, новыхъ весеннихъ туалетовъ...

Всѣ довольны, настроеніе у всѣхъ приподнятое

Даже строгій „Павлуша" улыбается.

Онъ, какъ начальникъ всего училища, т.-е. драгунъ и казаковъ — ѣдетъ на флангѣ, представляя всю ввѣренную ему школу...

Уже открыты „первыя окна" въ Петербургскихъ домахъ, мимо которыхъ движется наша эскадронная колонна „справа по три".

Кое-гдѣ изъ этихъ открытыхъ оконъ трелещутъ бѣлые платочки.

И въ отвѣтъ на эти весеннія привѣтствія то тамъ, то здѣсь въ нашей растянувшейся колоннѣ — тотъ или другой юнкеръ, нѣсколько конфузливо, какъ бы украдкой, прикладываетъ руку къ головному убору и съ улыбкой смотритъ вверхъ, по направленію окна, изъ котораго кто-то кланяется...

Петербургъ великъ — и во многихъ его уголкахъ живутъ знакомые, радушныя семьи.

Такъ проходитъ незабываемый, яркій день Майскаго парада.

IV.

„Всадники — други — въ походъ собирайтесь
Радостный звукъ васъ ко славѣ зоветъ!..

Генералъ-Маршъ.

Зима прошла, окончены весенніе экзамены, наступаетъ время лагернаго сбора.

Въ первыхъ числахъ мая, числа 8 го — 10-го — мы уходимъ походнымъ порядкомъ въ Авангардный Лагерь Краснаго села, къ Дудергофскому озеру, къ мохнатой, покрытой густымъ хвойнымъ лѣсомъ, горѣ.

Съ первыми лучами весенняго солнца покидаемъ мы стѣны школы, и, пройдя окраины столицы, выходимъ на шоссе, двигаясь къ Лигову.

Впереди — юнкерскій хоръ трубачей, юнкера — пѣсельники съ танцующимъ въ воздухѣ звенящимъ и сверкающимъ бунчукомъ.

На этотъ походъ даже есть пѣсня:

По дорожкѣ Красносельской
Ѣдетъ эскадронъ гвардейскій
Эскадронъ лихой!
Снѣга бѣлаго бѣлѣе
Блещутъ наши портупеи
Шашки боевой!
и т. д.

Авангардный лагерь Краснаго Села — это лагерь всѣхъ военныхъ училищъ, расположенныхъ на первой линіи громаднаго военнаго поля.

Большіе деревянные бараки, въ которыхъ размѣщаются юнкера — выкрашены въ свѣтло-желтую краску, очень вмѣстительны, полны воздуха и свѣта.

Они стоятъ лицомъ прямо въ поле, а съ внутренней ихъ стороны, заполняя пространство между лагерями и береговымъ склономъ Дудергофскаго озера — растутъ деревья, разбиты цвѣтники, зеленѣютъ площади травниковъ.

Если стать лицомъ къ Военному полю, первой слѣва — стоитъ офицерская кавалерійская школа съ ея конюшнями и барачками, затѣмъ идутъ бараки эскадрона и казачьей сотни, нашей школы.

За нами — артиллеристы — михайловцы, за михайловцами — константиновцы, дальше — Павловское училище и Петербургское Военное.

Передъ артиллеристами — квадраты изъ орудійныхъ парковъ.

Передъ всѣмъ фронтомъ бараковъ — длинная, широкая дорожка, называемая „линейкой", вдоль которой разставлены большіе деревянные „грибы" для дневальныхъ.

Обѣдаютъ подъ особымъ деревяннымъ навѣсомъ въ глубинѣ лагернаго расположенія, а по окончаніи дневныхъ занятій и вообще въ свободное время — большинство юнкеровъ ходятъ на безлюдные склоны озера, съ которыхъ открывается видъ на весь Дудергофъ — такой издали мохнатый и угрюмый.

По вечерамъ юнкера-казаки сотни, располагаясь на берегу — даютъ цѣлые концерты, отличаясь своимъ несравнимымъ хоровымъ пѣніемъ.

Замѣчательно они поютъ и пѣли всегда, эти лихіе сыны Дона, Кубани и Терека — и, отдавая имъ полную справедливость въ этомъ первенствѣ — мы подолгу заслушивались ихъ прекрасными пѣснями.

Весь май проходилъ за „съемками".

Это было временемъ „алидадъ", „кипрегелей", нанесенія горизонталей и отмѣчанія лѣсовъ, кустарниковъ болотъ и селъ.

Мы чувствовали себя болѣе свободными, нанимали мѣстныхъ деревенскихъ мальчишекъ, носившихъ за нами „планшеты" бродили по окрестностямъ Дудергофа и Краснаго села, доставляли доходъ многочисленнымъ разносчикамъ, рыскавшимъ по всей мѣстности нашихъ съемокъ съ пирожками, шоколадомъ и даже коньякомъ — и справедливо заслужившихъ поэтому названіе „шакаловъ".

Они и сами отлично знали свою кличку и стремглавъ подлетали со своими корзинами при окличкѣ „шакалъ!"

По праздникамъ ѣздили въ Петербургъ — уже другой, лѣтній Петербургъ — наполняя пестрою и

молодою толпою вагоны Балтійской желѣзной дороги.

Съ началомъ полевыхъ ученій — начиналось настоящее царство Карангозова.

Густымъ столбомъ стоитъ надъ нашимъ эскадрономъ пыль, — звучитъ команда и труба, и весь эскадронъ, производя самыя разнообразныя построенія, носится съ одного края военнаго поля на другой.

Карангозовъ любилъ стремительность, заѣзды плечомъ на карьерѣ, носился самъ впереди, водя всю часть за собою.

— Эскадронъ за мной! — было его любимымъ упражненіемъ. Онъ летѣлъ передъ скакавшими за нимъ справа повзводно юнкерами, дѣлалъ „восьмерки“ и „вольты“ и не признавалъ въ это время никакихъ препятствій.

Не одинъ изъ насъ „копалъ рѣдьки“ въ это время, и не простыя, а вмѣстѣ съ лошадью, но особенныхъ несчастій ни съ кѣмъ не случалось.

Правда — нестерпимо болѣли колѣни отъ сжиманій при заѣздахъ, до синяковъ набивала спину винтовка, болѣли отъ ремней ключицы и грудь — но все это проходило къ серединѣ лѣта и тѣло ко всему привыкало.

Вторая половина лагернаго сбора проходила веселѣе и оживленнѣе.

Начинались смотры, дѣлались небольшіе маневры, приближался день Царскаго объѣзда лагеря.

Мы ходимъ по вечерамъ въ расположеніе Михайловцевъ, куда прибывалъ для концерта оркестръ стрѣлковъ Императорской Фамиліи; исполнялся Чайковскій, увертюры Гуно, стучали кости скелетовъ въ танцѣ мертвецовъ Сенъ Санса, гремѣлъ „Двѣнадцатый Годъ“—и необыкновенно эффектно изображалась смерть Огинскаго, застрѣлившагося когда-

то во время исполненія оркестромъ его же собственнаго полонеза.

Въ нужный моментъ — одинъ изъ стрѣлковъ музыкантовъ стрѣлялъ изъ револьвера, прерывая страшнымъ звукомъ нѣжную мелодію польскаго композитора.

На царскомъ объѣздѣ лагеря мы становились не строемъ, а группами вдоль усыпанныхъ желтымъ пескомъ дорожки, по которымъ верхомъ проѣзжалъ Царь, соспровождаемый коляской съ Императрицей.

Онъ ѣхалъ по лагерю послѣ „Зари съ церемоніей" — неизмѣнной традиціи Краснаго Села, существовавшей множество лѣтъ.

Дорожки въ авангардномъ лагерѣ были извилистыя, шедшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по мѣстности холмистой, обросшей тонкими березками съ бѣлой корой.

Черезъ этотъ лѣсокъ неслись звуки музыки и встрѣчныхъ криковъ „ура" — царь ѣхалъ улыбающимся — онъ любилъ зарю съ церемоніей и съ видимымъ удовольствіемъ осматривалъ разсыпанныхъ вдоль всей дороги воиновъ.

X

. . . .

Въ одинъ изъ дней, ближайшихъ къ объѣзду лагеря и зарѣ съ церемоніей — или, вѣрнѣе, въ одно изъ утръ, когда едва только взошло іюльское солнце — къ нашему авангардному лагерю внезапно подъѣхали два трубача собственнаго конвоя Государя и четко и внятно протрубили какой то почти никогда нами не слышанный сигналъ.

Ихъ видѣли только дневальные, стоявшіе на линейкѣ подъ своими грибами — мы-же, остальные— спали въ это время молодымъ и крѣпкимъ предъ утреннимъ сномъ. .

Трубачи протрубили — и, пустивъ коней полнымъ аллюромъ, помчались трубить дальше...

И вдругъ весь лагерь встрепенулся...

— Вставайте! Тревога!

— Тревога всему лагерю! Пулей вставать! Павлоны уже строятся!

Это дѣйствительно была генеральная царская тревога.

Ожили конюшни, суетливо и поспѣшно одѣвались и прилаживали аммуницію юнкера, бѣгали изъ барака въ баракъ офицеры.

Въ значительномъ разстояніи отъ первой линейки, совсѣмъ одинъ, верхомъ на своемъ арабѣ, уже сидѣлъ совсѣмъ готовый и спокойный Карангозовъ.

Мы удивлялись только — какъ быстро и легко поднялся по тревогѣ и сталъ на свое мѣсто этотъ бравый и уже старый офицеръ.

Черезъ минуту - другую эскадронъ на рысяхъ шелъ куда-то въ глубь поля, на мѣсто общаго сбора, гдѣ выстраивались всѣ войска — и полки гвардейской пѣхоты, и конница, и гремящіе орудіями „пушкари".

И совершенно неожиданно — мы даже и осмотрѣться-то не успѣли послѣ суеты тревоги и немедленной скачки на конѣ прямо изъ теплой койки — мимо насъ уже ѣхалъ Царь, здороваясь съ рядами войскъ и всматриваясь въ наши лица.

Послѣ объѣзда начался какой то краткій, но сложный маневръ — мы все дальше и дальше уходили отъ Дудергофа въ глубь запольныхъ деревень и кустарниковъ.

Помню, что тогда пошелъ дождь.

Совершенно промокшими мы вернулись въ авангардный лагерь только къ обѣду; тревога, поднявшая всѣхъ въ четыре часа утра, вывела насъ въ поле на цѣлыхъ восемь.

. . . .

Лагерный сборъ окончился Высочайшимъ смотромъ и производствомъ нашихъ „корнетъ“ въ настоящіе офицеры.

Незамѣтно и быстро прошелъ годъ нашего „звѣрства“ — теперь мы заступили мѣсто нашихъ бывшихъ „цукалъ“ и уѣзжали въ двухнедѣльный отпускъ послѣ лагерей въ совсѣмъ особомъ настроеніи

Гремѣли поѣзда, увозившіе насъ во всѣ стороны Россіи, хотя на первомъ мѣстѣ стояла Николаевская желѣзная дорога, гнавшая многочисленные свои составы къ Москвѣ, откуда уже шли линіи на Нижній, Владиміръ, Калугу, Казань, Ростовъ — и дальше, дальше...

Эти двѣ недѣли были послѣдними лѣтними каникулами учащихся — прелестный краткій срокъ домашней свободы, милая картина цвѣтущей юности, уюта родныхъ угловъ и усадебъ, улыбокъ близкихъ и добрыхъ лицъ...

И какими козырями пріѣзжали мы въ эти дни домой, какими знатоками кавалерійскаго дѣла себя держали...

И еще-бы не держать?!

Послѣ года-то муштровки въ школѣ, послѣ Майскаго парада, царской тревоги и цѣлаго лѣта Карангозовскихъ заѣздовъ!

XI.

„Настанетъ скоро то мгновенье,
Когда скажу въ послѣдній разъ:
Прощайте стѣны заведенья —
Я не увижу больше васъ!
Прощайте всѣ учителя —
Предметы общей нашей скуки —
Ужъ не заставите меня
Приняться снова за науки!“

Вотъ и старшій курсъ — нашъ курсъ — наше собственное корнетство.

Теперь мы — благородные хранители традицій, мы принимаемъ очередной ремонтъ „молодежи“ изъ

новыхъ пришельцевъ — кадетъ, гимназистовъ и студентовъ, вошедшихъ несмѣлою стопой подъ своды школы.

Теперь мы гремимъ передъ ними шпорами, спрашиваемъ ихъ о „прогрессѣ“ и читаемъ имъ „приказъ по курилкѣ.

Время летитъ быстро, какъ и всегда, переноситъ черезъ Рождественскіе праздники, выводитъ на вторую половину учебнаго года, когда уже все сильнѣе и сильнѣе работаютъ мысли о приближеніи производства...

Все шло такъ же, какъ и годъ назадъ...

Такъ же звучали утреннія повѣстки и сборы, читались въ классномъ флигелѣ лекціи, такъ-же клубился паромъ горячихъ лошадей манежъ, мелькали отпускные дни съ движеніемъ въ городъ и обратно по Ново Петергофскому проспекту.

Но послѣ святокъ — въ концѣ января былъ день, занявшій особое и исключительное мѣсто въ странѣ воспоминаній.

. . . .

Изъ газетъ и слуховъ въ училищѣ уже знали, что Царь въ этомъ году съ большимъ вниманіемъ относится къ посѣщенію Имъ военно - учебныхъ и другихъ заведеній, въ которыхъ воспитывалось молодое поколѣніе тогдашней Имперіи.

— Былъ у Пажей... былъ въ Павловскомъ институтѣ... былъ у Правовѣдовъ...

— Къ намъ не пріѣдетъ! — замѣчалъ кто - то изъ пессимистовъ. — У насъ вообще Государи не бывали... Послѣднимъ посѣтилъ Александръ II-й... Школа стоитъ далеко отъ центра, въ глухомъ мѣстѣ... Не поѣдетъ къ намъ Царь — не ждите!..

— **А** я вотъ говорю, что Государь на этихъ дняхъ будетъ! — возражалъ кто-то другой.—Мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что вчера пріѣзжалъ осмат-

ривать въѣздъ въ училище царскій кучеръ... Смотрѣлъ ворота, дворъ, изучалъ углы для заѣздовъ...

— Откуда это извѣстно?

— Извѣстно. Я не люблю говорить зря...

. . . .

Говорившій послѣднимъ юнкеръ оказался правымъ.

Таинственный царскій кучеръ, дѣйствительно, пріѣзжалъ полу-инкогнито въ училище, осмотрѣлъ и прикинулъ на глазъ то, что ему было нужно по спеціальности—и опять уѣхалъ въ свои дворцовыя конюшни.

Прошла недѣля, другая — все было обычно все шло своимъ порядкомъ и никто въ училище не ѣхалъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, мы, послѣ утреннихъ лекцій и завтрака, копошились во взводахъ, переодѣвая сапоги къ ѣздѣ въ манежѣ и перебрасываясь обычными замѣчаніями и словами.

Наша небольшая групка — человѣка три-четыре стояла около одного изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, за которымъ лежалъ Ново - Петергофскій.

Сквозь деревья былъ хорошо виденъ въѣздъ во дворъ школы, растворенныя настежь желѣзныя ворота, полосатая будка сторожа, стоявшаго у каменнаго столба.

На Ново-Петергофскомъ было тихо, буднично, лежалъ темный, растертый ѣздою снѣгъ, двигались рѣдкіе пѣшеходы.

Намъ былъ хорошо видѣнъ какой то старый лабазникъ,въ бѣломъ фартукѣ и съ длинною сѣдою бородой клиномъ, стоявшій на панели, у входа въ свою лавку, расположенную противъ нашей школы.

И вдругъ мы замѣтили — этотъ моментъ почему то именно былъ нами замѣченъ, — какъ лабазникъ и другой стоящій рядомъ съ нимъ человѣкъ

— неожиданно сняли съ головъ шапки и низко, въ поясъ, поклонились кому-то.

Кому-то невидимому намъ, двигавшемуся со стороны невидимаго-же Ново-Петергофскаго, поклонились эти два человѣка, случайно попавшіе въ нашъ кругозоръ...

И вслѣдъ за этимъ — изъ за угла нашего класснаго флигеля, выѣхали сани, запряженныя въ пару крупныхъ вороныхъ коней, покрытыхъ синею сѣткой. Полный кучеръ, съ густою черною бородою, въ синемъ кафтанѣ и голубой четырехъугольной шапкѣ сидѣлъ на козлахъ, спокойно правя мощными руками красивой и собранной парой.

За кучеромъ на саняхъ сидѣлъ офицеръ, одѣтый въ обычное сѣрое офицерское пальто.

Мы всѣ одновременно поняли и узнали — Царь!

И кто-то восторженно крикнулъ „ура", которое дружно подхватили другіе — и черезъ секунду — это „ура" уже мощно гремѣло во всѣхъ взводахъ.

— Пріѣхалъ! Онъ уже внизу, у дежурной комнаты! Встрѣчать, внизъ, въ прихожую! Ура!

Растерявшійся и озабоченный влетѣлъ во взводъ нашъ смѣнный офицеръ — князь Урусовъ.

— Что вы дѣлаете?! Какъ-же можно кричать во взводахъ! Нужно спѣшить въ классъ и въ манежъ — начинаются строевыя занятія!.. Маршъ на мѣста!

У насъ, дѣйствительно, былъ часъ разборки и сборки оружія, за которымъ уже шла ѣзда.

Какъ облитые холодною водою, помчались мы въ классы, тогда какъ другія смѣны торопливо бѣжали въ манежъ.

Въ классѣ намъ пришлось сидѣть не долго Гдѣ-то у сосѣдей грянулъ отвѣтъ на привѣтствіе— „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество" — и спустя двѣ-три минуты — стеклянныя двери классной комнаты отворились и въ нее просто и свободно вошелъ Императоръ Николай II-й — въ сюртукѣ Преображенскаго полковника, съ золо

тыми флигельадъютантскими аксельбантами у плеча.

Царь — средняго роста, съ чистымъ и бѣлымъ лицомъ, окаймленнымъ небольшою русою бородкой, волосы причесаны „на проборъ" съ лѣвой стороны...

На ногахъ — простые матовые, хромовые сапоги, въ лѣвой рукѣ обыкновенная офицерская фуражка съ краснымъ околышемъ.

Императоръ, улыбаясь, осмотрѣлъ наши ряды, подошелъ къ окну, прислонился къ его косяку — и сталъ слушать отвѣты юнкеровъ по стрѣлковому дѣлу и уставамъ.

Кто то, отвѣчая у доски — неожиданно запутался, сбился — и сталъ „плавать".

Царь его поправилъ, подсказалъ дальнѣйшее и вывелъ „плавающаго" на вѣрную дорогу...

Въ эти минуты, когда говорилось о построеніи кавалерійскаго полка въ резервную колонну—какъ бы неожиданно исчезъ въ классѣ Императоръ... У косяка окна стоялъ простой штабъ офицеръ арміи, повидимому хорошо знавшій уставныя построенія, такъ какъ все, что говорилъ Царь, оказалось вполнѣ согласно со строевымъ уставомъ...

. . . .

Когда Императоръ, поблагодаривъ насъ, вышелъ изъ класса и, сопровождаемый Начальникомъ Училища и другими офицерами направился въ Церковь, а изъ нея въ манежъ—мы уже не считались съ расписаніями и правилами — и безъ всякаго удержу бросились вслѣдъ за нимъ — пробираясь черными лѣстницами и всевозможными окольными путями.

Въ манежѣ шла ѣзда двухъ какихъ-то смѣнъ, и Царь, занявъ мѣсто по обычному кавалерійскому порядку на серединѣ манежа, наблюдалъ ѣзду юнкеровъ.

Мѣнялись направленія, дѣлались вольты, мѣнялись аллюры, производилась строевая вольтижировка и, наконецъ, брались хворостяные и соломенные барьеры.

А предманежники въ это время наполнялись и наполнялись остальными юнкерами всѣхъ смѣнъ, всѣхъ курсовъ, эскадрономъ и сотней.

Незамѣтно наполнились людьми училищные дворы, и всю часть Ново-Петергофскаго проспекта передъ зданіемъ школы — уже наполняла густая, пестрая и любопытная толпа петербургской окраины.

— Царь!.. Царь!.. У юнкеровъ... Одинъ пріѣхалъ!

Чинно и спокойно, тихимъ и ровнымъ шагомъ, слѣдуя за Императоромъ, подалъ свою вороную пару къ воротамъ манежа солидный и бородатый кучеръ,..

И въ минуту окружили ее юнкера, обходили со всѣхъ сторонъ сани, оглаживали и похлопывали красивыхъ, мощныхъ и благородныхъ животныхъ, привезшихъ къ намъ въ гости Верховнаго Вождя необозримой и великой Имперіи.

Но Вождь еще былъ въ манежѣ, гдѣ шла лихая скачка черезъ препятствія и все еще раздавались пѣвучія команды офицеровъ, представлявшихъ смѣны.

И вдругъ распахнулись большія входныя двери въ манежъ — заклубились облака густого пара, мѣшавшагося съ холоднымъ внѣшнимъ воздухомъ, и средняго роста Преображенскій полковникъ, улыбаясь и прикладывая руку къ козырьку, вышелъ къ своему экипажу.

Загремѣло, полилось „ура", которому уже не было удержа... Все смѣшалось вокругъ того мѣста, гдѣ находились царскія сани — и офицеры, и юнкера и „штатскіе изъ манежа", и все разношерстное и рабочее, что выбросило изъ себя на дворы изобиловавшее постройками и службами училище—

все жило необычною, пламенною жизнью минуты, какую только и могъ породить и вызвать царскій пріѣздъ.

Царь съ трудомъ усѣлся на сидѣнье саней.

А вокругъ него — уцѣпившись за выступы козелъ кучера, за царское же сидѣнье, за выступы для полости, ставъ на полозья, судорожно ухватясь за запятки — виноградными гроздьями повисли юнкера..

Но только юнкера — никто другой уже не могъ и не смѣлъ допустить ничего подобнаго — даже самъ „Павлуша" и Карангозовъ.

Это была наша неотъемлемая привилегія, наше освященное обычаемъ право.

Спокойно, терпѣливо и величественно сидѣлъ надъ всѣми нами большой царскій кучеръ съ черною бородой, въ четырехъугольной голубой шапкѣ...

— Ну, съ Богомъ! — сказалъ Императоръ.

И кони тронули.

Тронули шагомъ — но увѣренно, почти безъ всякаго усилія.

А усиліе требовалось большое!...

Двигались не сани съ кучеромъ и сидѣвшимъ за нимъ Государемъ, а скорѣе особаго рода пчелиный рой, прилѣпившійся къ одному мѣсту.

— Интересно!—усмѣхнулся Императоръ, съ удивленіемъ обнаружившій, что одинъ изъ юнкеровъ маленькаго роста сидѣлъ у него въ ногахъ, подъ полостью саней, согнувшись въ три погибели — сколько же всего насъ ѣдетъ?

Начался счетъ.

— Всего восемнадцать человѣкъ, Ваше Величество!

— Недурно... еще болѣе весело сказалъ Государь. — И всѣмъ удобно?

— Еще бы, Ваше Величество! Очень!

— Дайте что-нибудь на память, Ваше Величество!— сказалъ кто-то изъ наиболѣе откровенныхъ.

— Ничего больше нѣтъ! — заявилъ Государь. Два носовыхъ платка у меня взяли еще въ манежѣ!...

. . . .

А кони шли и шли впередъ, среди криковъ „ура“, среди бѣжавшей по сторонамъ толпы, одѣтой въ сѣрыя юнкерскія шинели...

И вдругъ рѣзкій свистъ, гиканье и пронзительные крики выдѣлились изъ общаго гула.

Вздымая мокрый снѣгъ, одинъ за другимъ, лихо джигитуя, неслись верхомъ на коняхъ по бокамъ царскихъ саней юнкера-казаки...

Они посѣдлали своихъ лошадей и сопровождали Императора по своему...

Сани съ Николаемъ II повернули изъ воротъ школы на Ново-Петергофскій, двигались къ Египетскому мосту, — а юнкера-счастливцы все продолжали слѣдовать вмѣстѣ съ Царемъ въ его саняхъ и на ихъ полозьяхъ, а казаки носились вокругъ, дѣлали джигитовку, кувыркались и показывали свое природное удальство...

И только у Египетскаго моста Государь поднялъ руку и показалъ ею путь къ училищу...

— Домой, домой! Довольно господа!.. До свиданья!..

Кучеръ задержалъ пару...

. . . .

Освобожденныя отъ многочисленныхъ пассажировъ, сани двигались уже быстрѣе — въѣхали на Египетскій, поворачивали вдоль набережной Фонтанки.

Императоръ еще разъ обернулся, сдѣлалъ привѣтный знакъ рукой въ бѣлой перчаткѣ...

Царь...

Царь Великой, Необъятной страны, Вождь неисчислимой, побѣдоносной, славной на весь міръ арміи...

Такъ думалось, такъ чувствовалось, такъ горѣло тогда въ сердцахъ...

Послѣ этого — три дня было пустымъ наше училище.

Царь приказалъ всѣхъ освободить въ трехдневный отпускъ, простить всѣ наказанія и перевести всѣхъ штрафованныхъ въ высшій разрядъ...

XII

„Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ
горъ
Заря алая занимается!..

Лермонтовъ.

Въ далекой долинѣ дымящихся давностью
дней...

Бальмонтъ.

Опять пришелъ май, нашъ второй май въ училищѣ — опять мы вышли въ Дудергофъ.

Но какъ разнилось наше настроеніе отъ прошлогодняго, какъ наполнялась съ каждымъ днемъ чѣмъ-то неизвѣданно-новымъ наша молодая душа!..

Корнетская звѣзда — настоящая корнетская звѣзда — уже загоралась на горизонтѣ..

Прошелъ май со съемками — начались эскадронныя ученія съ тѣми же стремительными Карангозовскими заѣздами, пылью и сжиманіемъ колѣнъ — но духъ нашъ съ каждымъ днемъ разгорался сильнѣе и сильнѣе, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе наполнялась сладкою тревогой ожиданія грядущаго счастья молодая душа...

Близился, шелъ навстрѣчу, необычайный, единый во всей жизни день — день производства въ офицеры...

И уже съ начала іюня начались новыя, такія необычныя, такія сладкія заботы.

Заказывалось обмундированіе, сапоги, фуражки, офицерская аммуниція...

Заказывались офицерскіе эполеты.

Работали портные Капланъ, Каплунъ, Норденштремъ...

Работали сапожники — Сопруновъ, Шмелевъ, Мещериновъ, набиралъ заказы король шпоръ Савельевъ, работали фуражечник.. и мастера головныхъ уборовъ Челпановъ, Скосыревъ, Семеновъ и знаменитый въ своемъ родѣ Пляцкій.

Шились мундиры, доломаны, колеты, ментики, венгерки, чакчиры и рейтузы; дѣлались драгунки, гусарскія бобровыя шапки, уланки, конно - гренадерскіе головные уборы съ красными лопастями и сіяющія каски кирасирской дивизіи съ серебряными орлами.

Примѣрялись перевязи съ лядунками, портупеи всѣхъ видовъ, съ замираніемъ сердца подвѣшивались ташки съ царственными инициалами.

Дѣловито работали надъ сѣдлами знаменитые на всю кавалерійскую и спортивную Россію сѣдѣльные специалисты — Вальтеръ и Кохъ.

А изъ родныхъ концовъ Имперіи, изъ имѣній, усадебъ и уютныхъ провинціальныхъ домиковъ, гдѣ такъ-же жили особою приподнятою жизнью, ожиданія папаши, мамаши, бабушки и тетушки — приходили объемистыя посылки съ новыми рубашками, цѣлыми ассортиментами полотенецъ, простынь, скатертей и другого „приданаго", заботливо заготовленнаго для выходящаго на жизненный путь молодого любимца...

. . . .

Приближался и приближался торжественный, единственный, неповторяемый день.

Въ концѣ іюня уже производилась разборка вакансій — и сообразно листу, присланному изъ Глав-

наго Штаба въ лагерь, каждый уже зналъ, въ какой полкъ ему суждено выйти.

На сцену появлялись географическія карты, путеводители желѣзныхъ дорогъ—измѣрялись разстоянія, повторялись названія тѣхъ или другихъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ стояли полки.

То и дѣло слышалось:

— Грубешевъ... Сувалки... Межибужье... Бѣлая Церковь... Калишъ... Орелъ и Елецъ...

Юнкера, выходившіе прямо въ гвардію, были обязаны ранѣе взятія своей вакансіи — испросить согласія на этотъ шагъ общества офицеровъ того полка, въ какой стремились.

По тѣмъ или другимъ причинамъ это общество могло и отклонить просьбу юнкера о желаніи вступить въ полковые ряды, хотя случаи такіе бывали весьма рѣдко.

И вотъ, послѣ разборки вакансій, съ началомъ іюля, начиналось время самаго горячаго ожиданія — когда считались дни и часы.

День великаго Царскаго смотра, которымъ оканчивался лагерный сборъ — становился извѣстнымъ.

Уже дежурили полки въ нашихъ баракахъ...

Это „дежурство"—заключалось въ слѣдующемъ:

На одной изъ деревянныхъ колонъ, подпиравшихъ широкій потолокъ· ежедневно вывѣшивалась бумажка, на которой писалось.:

„Сегодня, 1-го іюля такого-то года дежурнымъ назначается 38 й драгунскій Владимірскій полкъ"...

Это означало, что до дня предполагаемаго нашаго производства оставалось тридцать восемь дней"...

И все медленнѣе и медленнѣе начинало двигаться время...

»Сегодня—15 й драгунскій Александрійскій"-„10 й Новотроицко-Екатеринославскій" — „5 й — лейбъ Курляндскій", „3-й драгунскій Сумской"...

Начинался августъ — замѣтнѣе сокращался день второй половины Сѣвернаго лѣта.

— 1-й драгунскій Московскій... Завтра...

. . . .

XIII

Разумѣется — въ это утро мы встаемъ раньше трубы и почти не прикасаемся къ утреннему чаю...

Опять мундиры перваго срока, первосрочная аммуниція, въ послѣдній разъ солдатская винтовка за спиною...

Какъ всегда выстраивается эскадронъ передъ переднею линейкой.

На мѣстахъ всѣ офицеры, обычно строгъ и спокоенъ на своемъ красивомъ арабѣ Карангозовъ.

Въ ранній часъ Военное Поле Краснаго Села уже чуетъ близкую осень.

Но когда эскадронъ приходитъ на мѣсто сбора конницы — солнце поднимается выше и опять ласкаетъ насъ хорошимъ лѣтнимъ днемъ.

Начинается движеніе смотра — но въ этотъ день мозгъ очень плохо впитываетъ въ себя впечатлѣнія — и все, вплоть до конца церемоніальнаго марша, принимаемаго Царемъ — проходитъ въ туманѣ.

Куда-то несемся полевымъ галопомъ, стремительно заѣзжаемъ флангами, купаемся въ густой пыли, поворачиваемъ много разъ повзводно кругомъ, спѣшиваемся, садимся, пропускаемъ несущуюся передъ нами на позицію конную артиллерію, пересѣкаемъ на рысяхъ путь движущейся цѣпью пѣхотѣ.

Сколько времени продолжается этотъ сложный смотръ — никто не знаетъ. Скоро полдень!...

. . . .

. . . .

... И показалъ мнѣ Ангелъ чистую рѣку воды жизни, свѣтлую, какъ кристаллъ, идущую отъ престола Бога и Агнца...

Откровеніе Святого Іоанна 22, 1

И вотъ откуда-то изъ-за пыли отъ далекаго Царскаго валика, черезъ всѣ движенія, топотъ коней, бряцаніе подковъ и шашекъ — несется звукъ — звукъ долгожданный, грозно милый, который больше чуетъ, чѣмъ слышитъ напряженное ухо...

Та-та-та та ти ра рамъ-тамъ.

Трубачъ — труби отбой!..

Да — это онъ, Генеральный Отбой Царя — вѣщающій и конецъ смотра и наше начало!..

Сейчасъ...

Сейчасъ производство!..

Эскадронъ стой!.. Равняйсь!.. Разсчитаться для спѣшиванія!..

. . . .

Улегается пыль... Отжевываютъ мундштуки запаренные кони... Полковникъ Карангозовъ выѣзжаетъ на нѣкоторую дистанцію передъ эскадрономъ и улыбаясь — о, какъ хорошо улыбается этотъ милый командиръ — тихо, совсѣмъ тихо, произноситъ:

— Господа юнкера старшаго класса... да, хорошо помнится, что онъ именно такъ и говоритъ — господа юнкера старшаго класса!.. Слѣзайте, отдайте лошадей младшему курсу и постройтесь!..

— Господи. благослови!

Кое-кто, слѣзая, крестится...

На утоптанной травѣ военнаго поля выстраиваемся мы въ пѣшемъ строю — покрытые пылью, съ винтовками за плечами. такими, какими застала насъ минута.

Насъ ведутъ — ведутъ куда то далеко, ведутъ между спѣшенныхъ колоннъ кавалеріи, между гро-

мадныхъ квадратовъ преображенцевъ, семеновцевъ, измайловцевъ, лейбъ-гренадеръ и безконечныхъ, такихъ сердитыхъ, батарей артиллеріи..

Солнце стоитъ въ зенитѣ — все покрыто его августовскимъ свѣтомъ и безоблачно—чисто небо, свѣтло-голубымъ куполомъ покрывающее весь военно-полевой просторъ.

. . . .

Царскій валикъ увѣнчанъ бѣлою холщевою палаткой, окруженной цвѣтами, пирамидальными лаврами, выросшими изъ зеленыхъ кадокъ.

Со всѣхъ сторонъ подходятъ и другія училища.

Камеръ-пажи и пажи, артиллерійскія — Михайловское и Константиновское, Павловское и Петербургское Военное, Военно-Топографическое...

Только Николаевскихъ Инженеровъ нѣтъ — они проходятъ лагерный сборъ въ Усть-Ижорѣ...

Все собравшееся молодо, красиво своею молодостью, и скрыто—восторженно, какъ только и можетъ быть восторженъ въ этотъ мигъ производящійся офицеръ.

Уже обходятъ наши ряды флигель-адъютанты, раздавая каждому изъ насъ Царскій приказъ... Это толстая тетрадка, въ которой отпечатаны наши фамиліи... Тамъ, на бумагѣ — мы уже офицеры... Но здѣсь, въ полѣ, мы еще юнкера,..

И вотъ, спускается по лѣстницамъ валика, сопровождаемый Великими Князьями и лицами Свиты, Императоръ.

Веселый, улыбающійся, въ надѣтой слегка набекрень фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и сюртукѣ сине зеленаго сукна, Онъ приближается ко всѣмъ намъ, неподвижно стоящимъ большимъ, выравненнымъ покоемъ.

Не спѣша начинаетъ обходить наши ряды, поминутно останавливаясь то около одного, то около другого юнкера...

Вотъ — обошелъ уже пажей, приблизился къ нашему правому флангу, остановился около вахмистра эскадрона.

— Куда выходите, вахмистръ?

— Въ Лейбъ-Гвардіи Уланскій Вашего Императорскаго Величества полкъ!

— А Вы, портупей юнкеръ?

— Въ Лейбъ Гвардіи Казачій Вашего Императорскаго Величества!

— ... Въ Нижегородскій Вашего Величества!... Въ Сумской... Въ Забайкальскій Казачій... Въ Крымскій Дивизіонъ...

И дальше, дальше идетъ по уже сіяющимъ счастьемъ рядамъ Государь...

Во всѣ стороны громадной страны теперь разлетятся эти молодые, полные жизни, надежды и вѣры души...

. . . .

. . . .

Какъ поразительно чудесно устроены Творцомъ человѣческая голова и человѣческая память!

Вѣдь сколько лѣтъ — долгихъ, пестрыхъ, страдныхъ и страшныхъ лѣтъ прошло, сколько могильныхъ холмовъ выросло на боевыхъ поляхъ и во всѣхъ концахъ земли — а вотъ всѣ они, какъ и тогда, стоятъ передъ глазами — живые, юные, цвѣтущіе, замершіе въ ожиданіи великаго для нихъ мгновенья...

Вотъ они — даже ясно видна пыль Военнаго поля, осѣвшая на мундирахъ — вотъ они: и миніатюрный, коренастый вахмистръ Носовичъ, и „отчетливый" блюститель всѣхъ традицій школы Филипповъ, и донецъ Саша Грековъ, и румяный, жизнерадостный князь Андронниковъ, и вспыльчивый Коргановъ, и стародубовецъ Томишко, и шарикоподобный Бизюкинъ, и солидный „маіоръ" Фаддѣевъ, и всегда разсудительный Миша Сахаровъ, и

постоянный спутникъ лихого Новосильцева по путешествіямъ въ „Angleterre“ снобирующій псковитянинъ Жоржъ Корсаковъ, и мечтательный, голубоглазый, изящный Миша Осоргинъ, и братья „Жора“ и „Бора“ Левенцы, и „ахтырцы“ Клюки — фонъ-Клюгенау съ Потемкинымъ, и голландецъ Коко Вандергюхтъ, и среднероссійскій помѣщикъ Валя Брюховъ, прозванный „Пузиковымъ“, и саратовецъ Юра Пальмгренъ, и тонирующій передъ выходомъ въ гвардію „Куку“ Целебровскій, и милѣйшій Кика Раевскій, и бѣлый, какъ ленъ, Панчулидзевъ, и митавецъ Книпперъ, и высокій-превысокій Кардашевскій, и другіе, другіе, другіе...

Ежегодный „ремонтъ“ вновь производимыхъ офицеровъ очень великъ — но еще болѣе великимъ кажется счастье этого дня...

Обошелъ Царь всѣхъ...

Не спѣша отходитъ отъ фронта, останавливается передъ юнкерскими построеніями, хорошо видимый всѣми.

И опять улыбается Царь.

— Благодарю васъ, господа, за прекрасный смотръ!..

— Рады стараться!..

Это еще отвѣтъ солдатъ — послѣдній отвѣтъ солдатъ, — за этимъ отвѣтомъ уже мы перестаемъ быть таковыми.

— Рады стараться Ваше Императорское Величество!

Государь дѣлаетъ два-три шага впередъ.

— Поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ офицеры!

. . . .

. . . .

Господи! Силою Твоею — возвеселится Царь!

Вѣдь только мигъ — единый мигъ — но что значитъ вся дальнѣйшая жизнь при сравненіи съ этимъ мигомъ?

Руки поднимаются „по офицерски“ къ козырку, кое гдѣ еще отчеканивается „покорнѣйше благодаримъ Ваше Императорское Величество“ — но откуда то изъ глубины, изъ сердца, изъ всѣхъ молодыхъ душъ вдругъ вырывается „ура“ — и, гремя, заполняетъ всю землю...

— Ура!..

А солнце такъ и свѣтитъ, такъ и льетъ на все свою лучезарную благодать.

Какъ великолѣпенъ Божій міръ, какъ прекрасно то, что называется жизнью, въ которую мы вступаемъ и въ которую насъ такъ красиво вводитъ Онъ — милый Царь, дающій счастье эполетъ офицера!

— Господа офицеры! — подходитъ къ намъ Карангозовъ. — Господа офицеры — къ вашимъ конямъ!

Да, мы офицеры!!!

На насъ еще пыльные юнкерскіе мундиры и солдатскія винтовки за плечами — но мы уже офицеры, корнеты, господа!!! Приказъ Царя — подъ погономъ!

Мы идемъ куда-то опять, садимся на своихъ друзей, которыхъ держатъ наши наслѣдники по оставляемому училищу — бывшіе звѣри, ставшіе теперь то-же корнетами славной школы!..

. . . .

О, стократъ благословенный, залитой солнцемъ, молодымъ счастьемъ, надеждами и вѣрою день!

Кто забудетъ тебя, кто не вспомнитъ съ благодарною улыбкой!..

Какъ все свѣтится вокругъ, какъ ласкаетъ взоръ, какъ все полно Божіей благодатью!..

Вотъ и бараки — милые бараки школы, которые мы уже навсегда покинемъ черезъ полчаса.

Сняты юнкерскіе мундиры, сброшена аммуниція, сданы каптенармусу винтовки и шашки...

Въ послѣдній разъ получаетъ четыре куска сахара строевой другъ прошедшей юнкерской страды — конь.

— Ну, прощай, мой простоватый, но крѣпкій, какъ крестьянская лошадь, Кабардинецъ! Спасибо, другъ!

Кабардинецъ, отжевываетъ мундштучное желѣзо, проталкиваетъ черезъ него языкомъ куски сахару, и, видимо, понимаетъ, что его хозяинъ сталъ настоящимъ корнетомъ!

Спѣшно, порывисто идетъ переодѣваніе.

Вотъ одинъ уже готовъ.

Въ изящномъ офицерскомъ пальто, въ ботинкахъ отъ Шмелева, въ безукоризненной фуражкѣ офицера — недавній запыленный полусолдатъ почти неузнаваемъ.

За первымъ готовъ второй, за вторымъ третій...

Одѣвшіеся выходятъ изъ бараковъ.

Ряды извозчиковъ уже ждутъ на задней линейкѣ..

Въ Петербургъ. . .

. . . .

Гдѣ то далеко, въ провинціи, на разстояніи чующіе сердцемъ этотъ необыкновенный день — живутъ родители, братья, сестры, старыя няньки, выхаживавшія когда то отъ пеленокъ сегодняшняго блестящаго офицерскими звѣздочками баловня судьбы...

Пусть будутъ покойны — черезъ два-три дня они увидятъ свое дѣтище.

Послѣ производства — двадцативосьмидневный отпускъ, поверстный срокъ къ мѣсту полка — времени для свиданія много.

Пока же — въ Питеръ!..

Гремятъ колеса Балтійскаго поѣзда, мягко катятъ отъ вокзала извозчики на резинахъ..

Обѣдъ въ 6 часовъ вечера у Фелисьена, а завтра, въ 10 утра, молебенъ въ зданіи школы, на который являться въ полной парадной офицерской формѣ...

Здравствуй, жизнь!

Неужели же въ тебѣ есть что-либо темное и неужели возможны какія-либо тучи на нашемъ пути?

Да и что могутъ значить эти тучи при сравненіи съ блескомъ офицерской звѣзды, засіявшей сегодня надъ нами?

. . . .

. . . .

Такъ начались, прошли и окончились два года, проведенные подъ сѣнью училища, носившаго въ нашемъ кругу имя Славной Гвардейской Школы.

Евгеній Вадимовъ.

Старая Сербія,
Монастырь Святой Параскевы.
1929 г.